Ю. А. КИЗИЛОВ

ЗЕМЛИ И НАРОДЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ XIII—XV вв.

Ульяновск — 1984

Министерство просвещения РСФСР
Ульяновский ордена «Знак Почета» государственный
педагогический институт имени И. Н. Ульянова

Ю. А. КИЗИЛОВ

ЗЕМЛИ И НАРОДЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ XIII—XV вв.

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ОБРАЗОВАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ К СПЕЦКУРСУ

Ульяновск — 1984

УДК 947.04

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
УГПИ имени И. Н. Ульянова

Кизилов Ю. А. Земли и народы средневековой России XIII—XV вв. Начальные этапы образования многонациональной структуры Русского централизованного государства: Учебное пособие. — Ульяновск: УГПИ им. И. Н. Ульянова, 1984. 84с.

Пособие содержит материал к специальному курсу по истории начальных этапов образования Русского централизованного государства. На обширном конкретно-историческом материале большого территориального охвата оно знакомит читателя с социально-экономическими и политическими предпосылками складывания многонациональной структуры централизованного Российского государства и великорусской народности, разносторонними связями великорусов с иноязычными народами и первыми шагами сотрудничества, скрепленного впоследствии классовой солидарностью и суровыми внешними испытаниями.

Пособие рассчитано на студентов исторического факультета.

Научный редактор: **Точеный Д. С.**, д. и. н.

Рецензенты: **Басин С. Г.**, д. и. н., проф., зав. кафедрой истории СССР Куйбышевского пединститута;
кафедра истории СССР МГПИ им. В. И. Ленина.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое пособие — основа специального курса лекций по одной из наиболее сложных и важных проблем истории нашей страны — истории начальных этапов образования Российского многонационального государства — оно охватывает период со второй половины XIII до начала XVI века. Это время, когда русский народ, преодолевая последствия ордынских разорений, постепенно восстанавливал свое этнополитическое ядро, ставшее решающей силой в борьбе за возрождение единого Российского государства. Накапливая силы для борьбы с Ордой, остававшейся главным противником возрождения независимого Российского государства и основным врагом порабощенных земледельческих народов Восточной Европы, русские князья уже со времен Дмитрия Ивановича Донского стремились укрепить систему политических союзов «всех княжений русских» и расширить ее рамки за счет активного вовлечения в нее иноязычных народов. В борьбе с «кровавой грязью монгольского ига», которое «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»[1], закладывались прочные основы трудового и политического сотрудничества народов многонациональной России, что скажется в будущем в их освободительной борьбе с иноземными завоевателями, истории трудового сотрудничества и в совместных актах классового протеста.

Этническая структура и обусловленная ею политическая неоднородность складывающегося Российского многонационального государства в существующей литературе мало исследованы и относятся к числу наиболее актуальных задач исторической науки[2]. Предлагаемое пособие представляет

[1] Marx K. Secret Diplomatic History XVIII C. L. 1899, p. 78.

[2] Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981, с. 263, 281.

собой одну из первых попыток осветить вопросы, без уяснения которых нельзя понять общее и особенное в процессе складывания Русского государства. Поставленная проблема приобретает особо важное значение и в идеологическом отношении в свете распространяющихся во враждебной буржуазной историографии версий о неразвитости институтов феодального строя у народов нашей страны и попыток противопоставить в историческом развитии русский и иноязычные народы нашего многонационального государства.

Территориальные рамки пособия охватывают земли, вошедшие в состав Российского государства ко времени завершения образования его основной территории (присоединение Пскова—1510, Смоленска—1514 и Рязани—1521). Кроме земель с преобладающим русским населением, в состав Российского государства вошло более десятка зависимых княжеств и ханств с обскоугрским, удмуртским, чувашским, мордовским и тюркским населением.

Для углубленного изучения поставленных вопросов в краеведческих курсах на уровне специальных семинаров и при написании курсовых работ потребуется более обстоятельное ознакомление как с историографией вопроса, так и с источниками. Для того, чтобы облегчить и направить эту работу, в подстрочном аппарате содержатся самые подробные указания на специальную литературу и источники как по основной проблеме, так и по ее отдельным сторонам.

1. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА РОССИИ В XIII—XV вв.

Вопрос об историческом соотношении классов, государства и установленных ими норм является важнейшим для понимания закономерностей становления и развития феодального общества. Однако его политическая структура и государственная организация в своих конкретных проявлениях в разных районах были неодинаковы и обусловливались как социально-экономическим уровнем, от которого начиналось развитие феодального общества, так и последующими факторами развития его аграрной структуры[1].

В числе определяющих факторов процесса феодализации (уровень развития производительных сил, структура собственности, эволюция общины, переселения и миграции, формы эксплуатации) важное место занимает географическая среда. «Природа и история, — подчеркивал Ф. Энгельс, — это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя»[2]. Стабильное влияние географической среды на развитие земледелия — основу экономики феодального общества — достаточно определенно подчеркивается в существующей литературе[3]. «Свойства географической среды, — писал В. И. Ленин, — обусловливают собой развитие производительных сил; развитие же производительных сил обусловливает собою развитие экономики, а вслед за ними и всех других общественных отношений»[4]. Осново-

[1] Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма. — Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 122—123.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 39, с. 56; т. 20, с. 116.

[3] Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 456.

положники научного коммунизма выделяли несколько аспектов воздействия природной среды на общество: влияние на физическую работоспособность человека, воздействие обилия или недостатка естественных средств существования; влияние среды на человека и его культуру через разнообразие средств жизни и средств труда; наличие или отсутствие естественных преград, мешающих контактам людей[5].

На формы и темпы социально-экономического развития общества оказывал влияние и этнический фактор. Гомогенный (однородный) или гетерогенный (разнородный) состав населения, уменьшая или увеличивая количество внутренних конфликтов, возникающих в конкретной социальной среде, создавал разные условия для вызревания одних и тех же институтов в пределах одного региона[6].

Географическая основа общественного развития народов, вошедших в состав Русского многонационального государства, отличалась большим разнообразием.

В северных лесотаежных районах в зоне глеево-подзолистых и торфяно-болотных почв с большими площадями заболоченных лесов, ограниченными тепловыми ресурсами и постоянным переувлажнением верхнего почвенного покрова, возможности сельскохозяйственного освоения земель были весьма ограничены. Земледелие (преимущественно овощеводство) было развито только в южных районах этой зоны. Доминирующими отраслями хозяйства здесь долгое время оставались охота и рыболовство.

Народы этой обширной области ко времени включения в социально-политическую систему России находились на разном уровне общественного развития. Письменные и археологические источники выявляют у лоплян (саамов) Мурманского берега и Лопских погостов северной Карелии хозяйственные уклады рыболовов и охотников[7]. Разрозненные «сродные семьи» саамов обитали и в северных районах Заонежья, где они соседили с карелами и западной весью. Топонимические данные указывают, однако, на более широкое распространение саамов в древности—от северной Финляндии до Зимнего берега Белого моря и берегов Мезени[8].

---

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 118; т. 21, с. 174; т. 23, с. 191, 521, 522; т. 25, ч. 2, с. 354, 385; т. 39, с. 174.
[6] Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980, с. 111—113.
[7] Харузин Н. Русские лопари. М., 1890, с. 33—39.
[8] Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973, с. 86—87.

Хозяйственный тип северных охотников и оленеводов доминировал у самодийских народов Канинской, Малоземельской и Большеземельской тундры (ненцев и родственных им энцев). Они кочевали по лесам и тундрам. «А промысел их: на лесу и по тундрам зверя бьют, да у пустозерцов олени пасут, тем ся и кормят». В XV—XVI вв. в этом крае земледелие было развито слабо даже у русских переселенцев. Так в «Пусте озере» согласно платежницы 1574 г. насчитывалось «великого князя тяглых и непашенных русских и пермятских сто сорок четыре двора» и все они были беспашенные. Они ходили на промысел «на морские острова в Югру» «бить зверя моржа»; по лесам и тундрам, как и «самоядь», охотились на куниц, росомах, лисиц, диких оленей, белку и выдру[9]. Такой же хозяйственный уклад бытовал у соседних приобских хантов (остяков), полуоседлых охотников и рыболовов, и мансов (вогулов) Западного Приуралья, промышлявших охотой на лосей при подсобном значении рыбных и звериных ловель[10].

Охота и рыболовство, хотя и допускали в благоприятных условиях появление избыточного продукта, но никогда не были определяющими путями развития человечества. На это обращали внимание уже К. Маркс и Ф. Энгельс, указывая на разные потенциальные возможности производящей и присваивающей экономики[11]. Демографическая емкость территорий, занимаемых охотниками и рыболовами, была незначительной даже в наиболее благоприятных условиях лесостепной зоны[12]. Жизнь охотников и рыболовов отличалась однообразием и замкнутостью. Они использовали одни и те же богатства природы и одинаковые орудия труда, что не создавало основы для обмена между ними. Совершенствовались сети для ловли рыбы и животных, охотничьи ножи, стрелы и копья, но все это происходило в пределах непосредственного использования материалов природы и не влияло сколько-нибудь значительно на структуру первоначальной стадии разделения труда по возрастному и половому признаку. В особо благоприятных районах охота и рыболовство могли породить

---

[9] Платежница с Пустозерских дозорных книг 1574 г. — В кн.: Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950. Документы, с. 480, 469—478.

[10] Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. М., 1983; Павловский В. Вогулы. Казань, 1907.

[11] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 733; т. 21, с. 33.

[12] Долуханов П. М. География каменного века. М., 1979, с. 15.

только элементарные формы неравенства и эксплуатации[13], но они не были устойчивыми и получали необратимый характер только в условиях включения этого хозяйственного уклада в аграрно развитую социально-экономическую структуру.

В зоне подзолистых и болотных почв лесотаежного края с умеренно холодным климатом и наличием массивов иллювиально-гумусовых и дерново-подзолистых почв возможности для развития земледелия были более благоприятными. В пределах этой зоны исследователи выделяют подзону болотно-таежных почв с лесами северо-и среднетаежного типа и подзону дерново-подзолистых почв с широколиственными лесами и отчетливым выражением дерноватого процесса[14].

Земледельческая освоенность этой зоны весьма неравномерна. Сильное развитие подзолистого процесса и обилие кислот, вредно действующих на злаковые культуры, ограничивали возможность развития земледелия. Оно сосредотачивалось на массивах приозерных и приречных иллювиально-гумусовых и дерново-подзолистых почв. Наиболее значительные участки таких «орамых земель» располагались в западных районах лесотаежной зоны — в южной части Псковского и Чудского озера, в южном Приильменье, по Верхней Луге, Ловати, в Поволховье и полосами по среднему и верхнему течению Мсты, Шелони и Мологи. Они были освобождены от лесной растительности, заселены и распаханы уже в пору распространения новгородских сопок (X—XIII вв.)[15]. Эти районы Новгородской земли были наиболее заселенными и в последующие века[16]. Из других новгородских волостей сравнительно плотно были заселены Нижняя Онега, Терский берег Белого моря, Верхняя Двина с ее притоками Вагой, Сухоной и Вашкой и область Шенкурья. Следствием этих условий были концентрация крупных землевладельцев в главном городе наиболее населенного Приильменья и его устойчивое преобладание над всеми другими «волостями», что облегчало консолидацию новгородского боярства, но весьма затрудняло

---

13 Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 188—190.

14 Докучаев В. В. Картографирование русских почв. — Соч., т. 2, М.; Л., 1950; Розов Н. Н. (и др.) Почвенно-географическое районирование СССР. — ВСХН. М., 1966.

15 Седов В. В. Новгородские сопки. М., 1970, с. 9—11.

16 Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980, с. 37—62, 154—155.

развитие феодальной концентрации земель в рамках «всей Новгородской земли».

На глеево-подзолистых и подзолистых почвах Двинско-Печорской болотно-таежной провинции сравнительно удобные массивы «орамых земель» располагаются лишь в области Шенкурья, Верхней Двины, Ваги и Кокшеньги. Это был почти единственный район провинции, который жил за счет собственных хлебных запасов. Сравнительно хорошая почва позволяла получать относительно устойчивые урожаи. На пойменных лугах росли хорошие травы, что способствовало развитию животноводства. Значительную роль в хозяйстве местного населения играли рыболовные охотничьи и соляные промыслы[17].

В других районах Двинско-Печорского края земледелие было развито слабо. Оно требовало огромных усилий по раскорчевке леса, а лесные подзолистые почвы быстро теряли свое плодородие. В северных районах провинции — Удорской земле и Цилемской волости — продолжительное время бытовала подсечная система земледелия, а в качестве основных орудий обработки земли применялись соха и мотыга. В источниках XIV—XV вв. встречается немало свидетельств о значительном развитии в этих районах охоты и рыболовства. По писцовым книгам начала XVII в. почти к каждому двору в Глотовской слободке Мезенского края были приписаны охотничьи слопцы, плашки и перевесы[18]. Крестьяне Усть-Цилемской волости, жившие «на тяглой земле» великого князя, кормились и давали дань великому князю в казну «с своих промыслов и с тонь с речных и сторонних речек за рыбную ловлю и с леших угодий и с ухожаев и звериных и со птичных и с бобровых ловищ и с кречатьих седбищ и со всяких угодий по шти рублев на год». К дворам тянули «капустные огородишки» и «розчисти» хлебных пашен, которые жители слободки «в иной год пашут, а в иной год и не пашут, потому что морозом убивает»[19]. Главное богатство этого края составляла пушнина, которая до XIX в. оставалась важным валютным товаром России. О большом значении охотничье-промысловых отраслей в хозяйственной жизни населения края сообщают иностранные авторы, актовые источники и жития свя-

---

[17] Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 282—287.
[18] Чтения ОИДР 1915, кн., 2, с. 323—332.
[19] Платежница 1574 г., с. 482.

тых, перечисляя места ловли «в водах и елико на воздухе и елико в блатех и в дубравах, и в борех и в лузах и в рамении, и в прочих лесах, и все елико на древесах, белки или соболи, или куницы, или рыси и прочая ловля наша»[20].

Отмеченная направленность хозяйства, тормозившая развитие земледелия, в значительной мере поддерживалась интересами казны и торговли. По царским грамотам югорские самоеды платили по «шести сороков» соболей в год. А торговля велась в XVI в. даже с дальней пустозерской и канинской «самоядью», которая «на лесу и по тундрам» жила. К Мезенской губе в Лампожню «русские, татары и самоеды съезжались два раза в год для обмена товаров на товары»[21]. Как и на Мурманском берегу эта направленность хозяйства могла существовать только при опоре на аграрную экономику великорусского центра, из которой господствующий класс России черпал основные ресурсы для расширения и функционирования государственного аппарата.

Ограничивающее влияние географических условий на темпы аграрного развития заметно и в землях **Центральной лесотаежной провинции,** где преобладали дерново-подзолистые, в значительной мере заболоченные почвы, особенно в междуречьях Унжи, Ветлуги и Вятки. Население осваивало лишь наиболее благоприятные в земледельческом отношении массивы приречных и приозерных земель у озер Белого, Кубенского, Галического, Чухломского, по Вятке и Чепце; тут концентрировались древнейшие очаги земледельческого населения и складывались центры ремесла и торговля. Но в целом земледельческая освоенность этой территории долгое время оставалась незначительной. Из 33 районов сгущения населения, выявленных исследователями на русском Северо-Востоке в XIX в., на Заволжье приходилось только 6, да и те размещались вдоль Волги при впадении в нее северных рек[22]. Эта разреженность в XIII—XV вв. была еще более значительной. Наиболее благоприятные в земледельческом отношении почвы располагались в южных районах Белозерской, Вологодской и Вятской земель. Но и здесь места концентра-

---

[20] Житие Стефана епископа Пермского. СПб., 1897, с. 16—17, 35, 46; Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 127.

[21] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937, с. 113.

[22] Семенов-Тян-Шанский В. П. Антропогеография Центральной промышленной области. Л., 1924, с. 12—18.

ции населения тянулись полосами, за пределами которых, стояли дебри непроходимых лесов. Крестьянское хозяйство было тесно связано с животноводством и использованием водных и лесных угодий[23].

Этническая структура средней части лесотаежной зоны долгое время была неустойчивой и разноукладной. На западе по соседству со славянами жили летто-литовские народы — прусы, летьгола, зимигола и корсь. Северную Прибалтику населяли чудь и ливы. По берегам Финского залива, между Невой и Наровой, жила водь, с которой соседила ижора, населявшая побережье Невы и юго-западное Приладожье[24]. К северу, западу и востоку от Ладожского озера жили карелы[25]. На территории Межозерья, ограниченной с севера Свирью, а с востока Шексной, жила весь. В древности ее поселения занимали пространство от южного Приладожья до рек Пинеги и Вашки[26]. Область расселения пермских народов охватывала Нижнюю и среднюю Вычегду с ее притоками Яренгой, Вымью, Вишерой, Пильной, на востоке она ограничивалась притоками верхней излучины Камы — Язьвой, Колвой, Южной Кельтмой и др. В XIV—XV вв. этническая территория перми расширялась за счет активного освоения Вашско-Мезенского и Печорского края[27].

Восточными соседями пермян были вогулы (манси). Они занимали верхнюю Вычегду, а также верхние притоки Печоры и Северной Сосьвы. На крайнем северо-востоке от Печоры до Оби жили югра, печора и самоядь[28], в междуречье

---

[23] См. акты белозерских и вологодских монастырей: АСЭИ, т. 2, разд. 1—2; т. 3, № 252—254, 266, 272, 274, 276, 290, 436, 464; Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881, с. 24—46.

[24] Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XVI вв.). — СА, 1953, т. 18, с. 190—229; Гадзяцкий С. С. Водская и Ижорская земли Новгородского государства. — ИЗ, т. 6, 1940, с. 101—148.

[25] Гадзяцкий С. С. Карелия и карелы в новгородское время. Петрозаводск, 1941, с. 54—63, 80—87; Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, с. 26—32.

[26] Станкевич Я. В. Курганы Юго-Восточного Приладожья. — Арх. сборник. Петрозаводск, 1957; Пименов В. В. Вепсы. М., Л., 1965, с. 189—190, 95—111; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973.

[27] Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972, с. 24—26, 30—31, 56—66; Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982, с. 57—109.

[28] Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества. — Научные труды, т. III, ч. 2. М., 1955, с. 115—116, 133—134, 137—147.

Камы и Вятки — удмурты (вотяки)[29]. Вятско-Ветлужское междуречье занимали черемисы (марийцы). В среднем Поволжье, выделяемом исследователями в особую историко-этнографическую область, жили волжско-камские болгары и волжские финно-угры[30].

Народы Волго-Камья по языку разделяются на финноязычных (коми, удмурты, марийцы, мордва) и тюркоязычных (чуваши, татары, башкиры). Финноязычные народы генетически восходят к древнему неолитическому населению. Они упоминаются уже в русской начальной летописи (черемисы, меря, мордва, мурома) и в других средневековых источниках. Мордовское население жило в бассейне Мокши (мокша) и Суры (эрзя). Марийцы размещались между Ветлугой и Вяткой по левобережью Волги — луговые черемисы и частично на правом ее берегу — горные черемисы. В XIII—XV веках их хозяйство носило комплексный характер. Земледелию сопутствовало животноводство, рыбная ловля, бортничество и другие промыслы. Удельный вес этих отраслей у луговых (левобережных) марийцев и удмуртов был более значительным, а в XII в. для изготовления некоторых орудий труда они все еще применяли кость[31].

Уровень хозяйственного развития «горных людей», к которым летописцы начала XVI в. относят мордву, черемисов и чувашей, в XII—XIII вв. стоял значительно выше, чем у луговых. К XVI в. земледелие и продуктовое скотоводство были их основным занятием. Но и в их хозяйстве значительную роль играла рыбная ловля и бортничество. Это подчеркивает князь А. М. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском». Царское войско на своем пути от Мурома до Свияжска не имело недостатка в припасах, «зело дорогою купующе, ово позычающе от сродных, и приятель и другов .. хлеба и скотов»[32]. Формирование классового общества почти у всех финно-угров проходило путем синтеза раннефеодальных элементов, сложившихся в местной среде, с феодальным

---

[29] Владыкин В. Е. Удмурты. ВИ, 1969, № 1, с. 214—220.

[30] Смирнов И. Н. Черемисы. Казань, 1889; он же. Мордва, Казань, 1895; Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952: Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

[31] Смирнов А. П. Ук. соч., с. 245—246.

[32] Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб., 1842, с. 16; ПСРЛ, т. 13, с. 16.

строем Руси лесостепных районов региона, отличавшихся хорошим плодородием и ценными кормовыми травами. Вместе с другими факторами эти условия уже в X—XII вв. способствовали превращению лесостепного района, особенно его приднепровского массива, в передовой участок развития феодального землевладения, ремесла, городов и торговли[33]. Из 300 городов, выявленных исследователями на Руси в XII—XIII вв., 200 располагались в пределах Киевской, Черниговской, Переяславской и Галицко-Волынской земель. Но фактор постоянной опасности, в особенности «злая татарщина» и «ордынская тягость», не способствовали непрерывности исторического развития этого района.

В конкретных условиях XIV—XV вв. наиболее устойчивым комплексом предпосылок для возрождения общерусского государства располагали ю ж н ы е р а й о н ы **лесной зоны.** Дерново-подзолистые почвы этих районов перемежались с островами серых лесных почв и остепненных ополий, близких по своим качествам к черноземам. На карте Европейской части нашей страны они тянутся от ее западных границ до Уральских гор. В историческом развитии России ополья, в особенности Владимирское, Суздальское, Ростовское, Юрьевское, Белехово, Подольско-Коломенское, Мещовское, Тарусское, Стародубское, Почепское, Смоленско-Приднепровское, Брянское и другие, сыграли весьма значительную роль[34].

В рамках этих ополий издревле складываются устойчивые очаги пашенного земледелия с переложной или залежной системой землепользования. Качество и размеры ополий, их промысловые возможности и пространственная близость играли важную роль, ибо только на сравнительно обширных массивах «орамой земли» был возможен такой уровень роста населения, с которым К. Маркс связывал рост производства и общественного разделения труда[35].

Наиболее значительные массивы ополий размещались в Волго-Клязьминском междуречье и по среднему течению Оки. Их близкое расположение, возможность соединения «починками» в общую хозяйственную ткань наряду с другими объективными факторами способствовали накоплению материальных предпосылок для образования Русского централизован-

---

[33] Р ы б а к о в Б. А. Киевская Русь. М., 1982, с. 284—358.

[34] К и з и л о в Ю. А. Географический фактор в истории средневековой Руси. — Вопросы истории, 1973, № 3, с. 51—60.

[35] М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 3, с. 19.

ного государства. В хозяйственном развитии этого края важное значение имело размещение здесь значительных запасов доступной и удобной для обработки железной руды. Степные районы в этом отношении оказались «обездоленными». Это обстоятельство выдвинуло среднерусские княжества на первое место. «Все позднейшие русские княжества,—писал в связи с этим Б. А. Рыбаков, — лежали в зоне рудных месторождений; русские кузнецы почти повсюду были обеспечены сырьем»[36].

Благоприятные природные условия для развития земледелия и добывающей промышленности, пестрота почвенного покрова и богатство животного мира, «серединное» положение междуречья имели большое значение для развития экономики этого района. Из 50 городов, выявленных исследователями в Смоленской, Рязанской и Залесской землях, половина приходится на Владимирско-Суздальскую землю, причем, большинство из них размещалось на территории Волго-Клязьминского междуречья[37]. Эти обстоятельства уже в XIII—XIV вв. вызвали перемещение торговых путей из южных земель к Москве, Твери и далее к Новгороду, что в немалой мере обеспечило западной части Владимирско-Суздальской земли значительные преимущества.

Следует отметить, что речная сеть верхнего бассейна Волги на территории Волго-Клязьминского междуречья является наиболее разветвленной и удобной для внутрирайонного обмена. Другие земли не располагали подобными средствами связи. На территории Смоленской земли удобные под земледельческую культуру местности размещались в Поднепровье у Смоленска и отделялись от других мест концентрации населения в верховьях Сожа, Десны, Угры, в районе Касплинского волока и Торопца сотнями километров труднопроходимых лесов. Кроме относительно плодородных и населенных земель Вяземского удельного княжества, на территории которого в XVI в. располагалось около 1500 селений с 5000 дворов, прочие места концентрации населения были незначительны и их вес в политической жизни России оставался крайне малым[38].

Сказанное в равной мере относится и к Рязанской земле. В ее пределах наиболее заселенными были районы Мурома, Средней Оки, Переяславля Рязанского и Пронска. Оксско-

---

[36] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 38—39, 125.
[37] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, гл. 5—9.
[38] Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 54—64.

Клязьминское междуречье отличалось слабой заселенностью, как и земли к югу от Оки, примыкавшие к Полю.

Отмеченные факторы превращают Волго-Клязьминское междуречье, в особенности его западные районы, в средоточие экономического развития феодальной России. Среди известных причин, оказавших влияние на преобладание Москвы в этом районе, значительная роль должна быть отведена и географическому фактору, в том числе различиям в характере почв и богатстве животного мира Московского княжества и его основного соперника в борьбе за политическую гегемонию в землях Великой Руси — Тверской земли.

Тверское княжество располагается в зоне подзолистых и болотных почв. Основную его часть занимают тяжелые для обработки глинистые почвы и боровые пески, лишь кое-где пересеченные островами мягких дерновых суглинков с тонким гумусовым горизонтом. Но и их обработка была не везде возможна: этот относительно плодородный слой покоится на глинах и перемешан с крупными и мелкими валунами. Сравнительно плодородные острова иловатых почв лежат по берегам Волги, близ устьев ее притоков Тверцы, Медведицы, Дубны, Нерли. Здесь складывались наиболее древние очаги земледелия и концентрации населения, но своими починками за пределы этих островов они обычно не выходили[39]. Эти условия затрудняли образование сплошного массива окультуренных земель и в какой-то мере сказывались на политической разобщенности волостей Тверского княжества. Неблагоприятные почвенно-климатические условия и риск подвергнуться разорению «отбивали охоту» у крестьян и даже у крупных землевладельцев осваивать эти земли[40]. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что географическое положение княжества не позволяло его князьям расширять границы своих владений за счет других земель: объекты возможных «промыслов» отделялись от тверских границ сотнями километров труднопроходимых лесов и болот.

Территория Московского княжества, в особенности его южные земли, располагались в районе дерново-подзолистых и серых лесных почв, сформировавшихся под широколиственными и мелколиственными лесами. По качеству гумусового горизонта они уступали владимирским черноземам, но были

---

[39] Кизилов Ю. А. Ук. соч. с. 64—65.

[40] Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М., 1936 с. 26—28, 83—96, 108—112.

более благоприятны в земледельческом отношении, чем тверские почвы, от которых они отличаются наличием признаков чернозема. В южных районах серые лесные почвы переходят в черноземы Тарусского и Мещовского ополий. Земледельческое освоение территории Подмосковья уже в XII—XIII вв. было более значительным, чем Тверского Поволжья.

Значение Подмосковья в политическом развитии северо-востока резко поднимается в последней трети XIII в., когда в «старых» центрах Владимиро-Суздальской земли сложились трудные условия для нормальной жизни из-за повторяющихся «нахождений» ордынских ратей.

Перемещение политического центра в Москву было подготовлено в немалой мере и упадком Чернигова. Последний факт не учитывается в литературе, но его значение очевидно. Полное разрушение Чернигова полчищами Батыя поставило многочисленные чернигово-северские княжества, располагавшиеся по верхней Десне, верхней Оке, Жиздре и Угре, в неустойчивое положение и сделало объектами захватов более сильных князей — рязанского, литовского, смоленского. Часть этих княжеств в конце XIII в. втягивается в орбиту московского влияния. Уже первый московский князь Михаил Хоробрит попытался оказать сопротивление литовской экспансии, но пал в битве на берегах Протвы. Его преемники уделяют этому району особое внимание. Под контроль Даниила Александровича и его сыновей переходят Можайск, Руза, Звенигород, Суходол с селами в верховьях Москвы-реки, Лопасна, Серпухов, Нивна, Перемышль, Ростовец, Тухачев, Темна по Наре и Протве и «коломенские волости» по нижней Москве. При Семене Гордом в состав московских владений входят волости Заберег на верхней Протве, а также Новый Городок, Боровск, Лужа и Верея[41].

Следя за «примыслами» этих волостей и городков, нельзя не заметить кристаллизации нового политического центра среднерусских земель, который в княжение Юрия Даниловича (1303—1325) получает статус «великого», а при Иване Даниловиче Калите (1325—1340) добивается преобладания над другими политическими центрами Северо-Востока.

[41] Кизилов Ю. А. Земли и княжества Северо-Восточной Руси в период феодальной раздробленности. Ульяновск, 1982, с. 72—79.

2. РАЙОНЫ АКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Земли коренной России

Объективные предпосылки и естественно-географические условия уже в первые века русской истории привели к неравномерному хозяйственному и общественному развитию народов Европейского региона России, создавая условия для обмена средствами жизни и средствами труда[1]. Лесостепные и южно-таежные земли региона представляли собой относительно развитую аграрную структуру и опережали по уровню общественного развития его северные районы, в хозяйственной жизни которых роль животноводства, охоты, рыболовства и бортничества была более значительной. Кочевое скотоводство продолжало оставаться определяющим у народов южно-русских степей.

Естественно-географическая дифференциация средств жизни в этом стихийно складывавшемся разделении труда играла значительную роль, создавая основу для политического сотрудничества разноязычных народов. Союзы славянских и неславянских народов возникли задолго до установления на территории региона общего государственного центра. В северных землях политическим центром было аграрно развитое Приильменье («Верхние земли»); в южных районах таким средоточием была Поляно-Русская земля («Русская земля»). Факт существования этих союзов подтверждается как письменными источниками, так и комплексами археологических и нумизматических источников[2].

Широкая сеть водно-волоковых дорог Днепровского, Волжского, Приильменского и Камско-Печорского бассейнов, взаимно переплетаясь, соединяла разноязычные народы Восточно-Европейской равнины в одну систему, «из которой трудно было высвободиться для особой жизни»[3]. Степные и лесостепные равнины усиливали это общение, которое постоянно возрастало, не прерываясь даже тогда, когда правители отдельных земель пытались приостановить эти контакты.

Объединяя впоследствии славянские и неславянские земли региона, издавна находившиеся в хозяйственных и политиче

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 521, 522; т. 25, ч. 1, с. 354.

[2] ПСРЛ, т. II, с. 359, 369; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 204—205.

[3] Соловьев С. М. История России, кн. I. М., 1959, с. 63, 73—79.

ских связях, великие князья превращали как русские, так и нерусские народы в объект эксплуатации господствующего класса, в состав которого с первых лет существования Древнерусского государства входила и иноязычная знать. Однако эксплуатацией не исчерпывались отношения Руси с подвластными народами. В этих отношениях определяющим на всех этапах развития было прогрессивное влияние, которое проявлялось во внедрении развитого земледелия в жизнь земледельческо-скотоводческих народов, в складывании в иноязычных областях ремесленно-торговых центров и очагов феодальной экономики, в ускорении общественно-экомического развития почти всех иноязычных народов региона.

Это влияние охватывало обширную сферу и распространялось даже на те финно-угорские народы лесотаежной зоны, которые дальше других ушли в своем развитии ко времени их включения в социально-политическую структуру Руси. Среди них наиболее высокого уровня развития достигли муромские и мордовские племена среднего и нижнего течения Оки. Наряду с подсечным земледелием они разводили лошадей, свиней, крупный и мелкий рогатый скот. И хотя при этом хозяйственном типе появление прибавочного продукта исторически обусловлено и засвидетельствовано остатками археологических культур, но на этой хозяйственной основе «могли сложиться классовые отношения лишь примитивного, дофеодального облика, хотя и со значительной общественной дифференциацией, похожие на общественные отношения кочевников 1 тыс. н. э.»[4].

Разрозненные этнические группы финно-угров в рассматриваемое время не были объединены. Небольшие по площади городища, укрепленные валами и рвами различной формы, расположенные на крутых берегах рек у широких пойменных террас, свидетельствуют об изолированности общин, о том, что каждая община в случае нападения на нее сама защищала себя. Эти общины представляли собой замкнутые мирки, которые силами своих членов выполняли все виды работ. Имущественная дифференциация до появления в их землях славян не получила значительного развития. Погребения с бедным инвентарем свидетельствуют о слабом социальном расслоении и в целом о раннефеодальном строе финно-угор-

---

[4] Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 114—115; См. также: Лащук Л. П. Ук. соч., с. 39—43, 105—109; Пименов В. В. Ук. соч., с. 66—69, 209—212.

ских народов[5]. Переход к развитому феодальному строю финно-угров Волго-Окского междуречья, как и других районов, протекал при длительном взаимодействии (синтезе) раннефеодальных элементов, сложившихся в местной среде, с феодальными отношениями Руси и при непосредственном участии ее государственной власти.

Роль феодальной экономики России и ее государственной власти была особенно значительна в переходе к феодальному строю народов, занимающихся охотой и рыболовством.

Ряд исследователей (А. М. Хазанов, А. И. Першиц) утверждает о застойности или даже тупике в развитии кочевнических обществ на протяжении всего периода существования этого способа производства, что, по их мнению, было обусловлено спецификой экстенсивного скотоводческого хозяйства.

В кочевом мире «движение по кругу явно превалировало над поступательным развитием, и если последнее все же имело место, то главным образом под влиянием стимулов, исходивших из земледельческих культур»[6]. Другие исследователи (В. А. Бартольд, С. А. Плетнева), рассматривая кочевнические объединения во взаимодействии с обществами земледельческих культур, имевшем место в разных регионах мира, с основанием говорят о постепенном развитии у кочевников евразийских степей под влиянием этих контактов феодальных отношений, осложненных пережитками родоплеменного строя. Так, С. А. Плетнева убедительно показала, что печенеги, торки, берендеи, турпеи, коуи, половцы оседали на юге Руси и включались в ее социально-политическую систему, становясь вассалами русских князей. Под влиянием более высокой культуры и общественного уклада Руси они постепенно переходили от кочевий к земледелию и феодальному строю[7].

Отсюда понятно то внимание, какое уделяется в современной исторической науке общественно-политическому синтезу как фактору, влиявшему на формы и темпы процесса феодализации. Проблема межформационного синтеза достаточно глубоко разработана в трудах Е. В. Гутновой и З. В. Удаль-

---

[5] Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, вып. 94. М., 1961, с. 168—182; Третьяков П. Н. Ук. соч. с. 112—114.

[6] Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 273—274.

[7] Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, 1958, № 62, с. 194—224; Бартольд В. В. Улугбек и его время. — Соч., т. 2, ч. 2. М., 1964, с. 28—29.

цовой при типологическом изучении проблемы генезиса феодализма в Европе. В качестве основного критерия этого процесса они выдвинули социально-экономические факторы, прежде всего взаимодействие элементов феодализма, вызревших в недрах рабовладельческой формации, и общинно-родового строя. На этой основе ими выделены три типа генезиса и развития феодализма: уравновешенный, когда позднеримские и варварские элементы участвовали примерно в одинаковой пропорции, бессинтезный и вариант с явным преобладанием античных начал[8].

Утвердившееся в советской исторической науке понимание синтеза как фактора, влиявшего на формы и темпы процесса феодализации, позволяет распространить межформационную модель синтеза на синтез феодальной структуры Руси с раннефеодальными образованиями обширной иноязычной периферии, тянувшими к ней на разных основаниях как к экономически и политически преобладающему средоточию. Взаимодействие общественных структур Древней Руси с подвластными народами иноязычной периферии, находившимися на раннефеодальной стадии развития или стоявшими на завершающей стадии первобытности, подтверждается материалами археологических источников в исследованиях П. П. Третьякова, В. В. Седова, Е. И. Горюновой, А. Л. Голубевой, Т. Н. Никольской, С. А. Плетневой и др. Славяно-финно-угорский, славяно-тюркский общественно-политический синтез, широко отраженный в чересполосных поселениях, совместной колонизации необжитых земель, отчетливо выявляется в материальной культуре и великорусов, и иноязычных народов в языке, искусстве, эпосе и др.

Различные варианты общественно-политического синтеза феодальной структуры Руси с раннефеодальными элементами подвластной иноязычной сферы можно свести к трем основным типам: активному, уравновешенному и замедленному, находившимся в зависимости от хозяйственных возможностей различных районов, уровня развития производительных сил, формы собственности местного населения, интенсивности освоения этих районов русским населением и времени их включения в политическую систему России.

Для синтеза активного типа характерны сравнительно быстрый переход иноязычного населения к развитому земледелию и развитым формам феодальной экономики, ускорение

---

[8] См.: Средние века, вып. 34, 1971, с. 13—38.

ритма общественного развития и относительно глубокая славянизация местного населения. Этот процесс охватывал обширную территорию и закреплялся прежде всего на благоприятных в земледельческом отношении массивах дерново-подзолистых и болотно-подзолистых супесчаных почвах Прибалтийской, Среднерусской, Центральной и частично Двинско-Печорской почвенных провинций лесотаежной зоны.

Формы социальной организации, сложившиеся на основе активного типа взаимодействия общественных структур, сравнительно хорошо выявлены на археологическом материале Волго-Окского междуречья, где в дославянскую пору жили разрозненные группы голяди, чуди, мери, муромы и веси. Из финно-угорских народов они дальше других продвинулись по пути формирования семьи, частной собственности и наследственной привилегированной знати. Однако переход к феодальному строю и здесь происходил в результате столкновения раннефеодальных элементов местного общества с феодальной средой Руси. Он находил свое выражение в хозяйственных связях финно-угорских народов Волго-Окского междуречья с Русью, в массовом освоении междуречья славяно-русским населением, в чересполосных поселениях со смешанным населением и смешанными формами материальной культуры.

Наиболее значительный поток колонистов шел из Смоленской и Новгородской земель. Новгородские словене осваивали преимущественно левобережную территорию Поволжья и ее правобережную часть в районе современных Ярославской и Ивановской областей. Смоленские кривичи расселялись в средних районах Волго-Клязьминского междуречья, а также на Мещерско-Муромских землях, включая северные районы Рязанской земли. Южные районы междуречья осваивались вятичами, занимавшими бассейн верхнего течения Оки. В XII в. их поселения поднимаются по Оке и достигают устья Москвы-реки, откуда шло заселение ее нижнего и среднего течения, а также рязанского течения Оки. Территория расселения вятичей на севере достигала верховьев реки Москвы и верховьев Клязьмы на востоке. Самым восточным пунктом вятичского расселения был Переяславль Залесский[9].

Массовая колонизация края, происходившая под влиянием внутренних и внешних факторов, в XI—XII вв. носила доста-

---

[9] Горюнова Е. И. Ук. соч., с. 205—240; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982, с. 148—151, 188—190; Третьяков П. Н. Ук. соч., с. 122—142; Никольская Т. Н. Земля вятичей М., 1981, с. 97—173.

точно организованный характер и опиралась на вооруженные дружины и феодальные города-замки. Феодалы нередко целыми общинами переселяли крестьян на новые земли. Местное население при этом облагалось данью и попадало в зависимое положение. Это подтверждают как хронология погребений пришедшего славянского населения (одновременное появление богатых и бедных захоронений), так и топография курганных комплексов, принадлежащих разным социальным группам живущих по соседству людей[10].

Однако на первом этапе колонизации (X—XI вв.) даже при значительных контактах славян и финно-угров археологические материалы не дают основания говорить о сколько-нибудь значительной ассимиляции местного населения. Лишь на втором этапе колонизации (XI—XII вв.), когда на Северо-Восток хлынули значительные потоки славянского населения, проявляются признаки, позволяющие утверждать о широком усвоении местным финно-угорским и пришлым западно-финским населением славянской материальной и духовной культуры и их постепенной славянизации.

Во внутренних районах Волго-Окского междуречья складывается густая сеть славяно-финских деревень, между которыми не улавливается четкого этнического рубежа. В быт мерянского и пришлого западно-финского населения входят славянские проушные топоры, ножи с трехслойным клинком, наконечники стрел, гребни, ножницы и др. Среди мерянского населения распространяется чуждый похоронному ритуалу мери обряд курганного захоронения, а в погребальном инвентаре появляются вещи, характеризующие смену его общего этнокультурного облика[11]. Могильный инвентарь мерянской знати становится богаче и по качеству вещевого материала резко отличается от памятников предшествующего времени. Об этом говорят монетные и вещевые клады из золотых и серебряных вещей[12].

Существенные изменения происходят и в общественно-политической жизни простого угро-финского населения. Оно все больше занимается земледелием, которое в системе развитого животноводческо-промыслового хозяйства постепенно зах-

---

[10] Третьяков П. Н. Ук. соч. с. 112; Никольская Т. Н. Земля вятичей. М., 1981, с. 42—43, 72—96.

[11] Третьяков П. Н. Ук. соч., с. 132—134; Горюнова Е. И. Ук. соч., с. 183—248; Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери. — СА, 1980, № 2, с. 69, 71—72.

[12] Ярославское Поволжье в X—XI вв. М., 1963, с. 17, 22, 28—35.

ватывает доминирующее положение. Большесемейные городища теряют свое значение. Рядом с ними вырастают открытые поселения — деревни, которые становятся господствующим типом расселения сельского населения. Поздние городища, существовавшие до XIV—XVI вв., обычно представляли собой остатки феодальных укреплений[13]. В новых условиях местная знать постепенно сливается с пришлыми феодальными элементами Руси в господствующий класс, который берет под контроль собственность на землю, организует аппарат местной государственной власти, облагает финское и славянское население различными видами феодальных повинностей. Эти контакты и смешения отразились и на славянских пришельцах, затронув их систему поверий, бытовую обрядность, язык, черты антропологического типа и хозяйственный уклад[14]. Местные этнокультурные компоненты поволжских финно-угров выявляются в курганных погребениях и вещевом материале новгородских словен и смоленских кривичей, осваивавших Волго-Окское междуречье, у вятичей верхнего и среднего течения Оки и выходцев из «Русской земли»[15]. Финский этнический компонент (мерянский в междуречье Волги и Клязьмы и весский в Верхнем Поволжье) проявляется не только в количестве вещевого материала, но и в характере этих чисто мерянских и весских шумящих пластинчатых зооморфных привесок, поясных и нагрудных украшений. Наборы этих украшений особенно богато представлены на окраинах колонизуемых территорий. Они часто встречаются на поселениях, в кладах и в курганах в пределах широкой полосы в 200 и более километров, которая тянется вдоль всего славяно-чудского пограничья от западных рубежей Новгородской земли до Нижегородского Поволжья и восточных окраин Русского Севера, где выявляются археологические комплексы смешанного-славяно-финского населения[16]. Эти смешения и взаимовлияния в такой же мере характерны и для других земель. Так, в трех локальных группах северян выявляются различные этнокультурные компоненты балтов, иранцев, алано-булгар и др.[17].

---

[13] Никольская Т. Н. Земля вятичей, с. 72—96, 171—173.

[14] Ключевский В. О. Соч., т. 1. М., 1956, с. 292—315.

[15] Седов В. В. Ук. соч., с. 148—151, 190—192.

[16] Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси. Л., 1981, с. 15, 47—53; Седов В. В. Ук. соч., с. 190—192.

[17] Седов В. В. Ук. соч., с. 133—138.

Контакты с иноязычным населением оказывали влияние на хозяйство славян, особенно на восточных окраинах междуречья, богатых охотничьими, бобровыми и бортными угодьями. В Нижегородском Поволжье и по Нижней Оке большая часть угодий в XV в. принадлежала князьям на праве частного владения как титульным собственникам всех присоединенных земель, на которые не было документальных подтверждений. Бортные леса и борти с приписанными к ним деревнями были одной из важнейших доходных статей в хозяйстве князей[18]. Земледелие здесь было развито слабо, и могущество местных бояр в XV в. даже в пределах собственно нижегородской округи основывалось в значительной мере на владении промысловыми угодьями и активном участии в поволжской торговле[19]. Влияние местных особенностей заметно и в центральных районах междуречья, где земледелие продолжительное время сосуществовало с домашним скотоводством и промыслами[20].

Приведенные материалы свидетельствуют об активном участии местного финноязычного населения в образовании великорусской народности. Оно постепенно смешалось с пришедшими славянами и было полностью ассимилировано, хотя процесс его славянизации продолжался в отдельных местах и до XVI столетия. Острова мери, чуди и веси еще долго сохранялись на территории коренных земель великого княжества Владимирского по местам, изобилующим лесами, заливными лугами, где можно было вести животноводческо-промысловое хозяйство. Чудской конец имелся даже в самом Ростове, жители которого («заблудящаяся чудь») держались языческих верований до XII в.[21].

Экономические, политические, культурно-бытовые и этнические контакты способствовали развитию экономики и культуры населения Волго-Окского междуречья. Если в X—XI вв. уровень социально-экономического развития его земель несколько запаздывал по сравнению с другими землями Руси, особенно южными, и они дольше других земель оставались в подчинении южно-русскому центру, то в XII—XIII вв. Влади-

---

[18] Бахрушин С. В. Научные труды, т. 2. М., 1954, с. 20.

[19] Кучкин В. А. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 242—243.

[20] Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 23—112.

[21] Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности, с. 129—142.

миро-Суздальская земля приближается к уровню развития южно-русских земель, а затем и опережает их. Эти века отмечены существенными сдвигами во всех областях хозяйства ее населения — земледелии, животноводстве и ремесле. Развитие шло в соответствии с основными задачами главных отраслей земледельческого труда и выражалось в широком внедрении новой технологии производства железа (появление сложных домен), в совершенствовании обработки металла (ковки, сварки, пайки), в механизации некоторых производственных процессов, в появлении специализированных мастерских по производству качественных стальных изделий[22].

Аналогичные успехи выявляются в развитии земледелия. В быт земледельцев Северо-Восточной Руси входят новые типы сох и плугов с отвальным устройством, приспособленные для обработки земли одной лошадью, более совершенные формы кос, серпов, широколезвийных топоров, что значительно увеличивало производительную силу труда и способствовало расширению площади пахотных земель и переходу к паровой системе землепользования и к трехполью[23].

Хозяйственный подъем края сопровождался ростом населения, разрастанием и внутренним уплотнением старых комплексов земледельческой оседлости и ростом внутренней колонизации на территории междуречья. «Острова» мерянских поселений были теперь окружены «не столько лесом, сколько сотнями починков, весей, погостов и пахотными угодьями, принадлежащими... славяно-русскому населению, пришедшему сюда из разных частей Руси»[24].

Появление в XII и начале XIII века новых городов — Москвы, Твери, Гороховца, Стародуба, Звенигорода, Дмитрова, Клина, Костромы, Галича, Нижнего Новгорода и многих других — явилось результатом роста плотности населения в районах их возникновения, хозяйственного подъема земель и развития феодальных отношений[25].

Экономический подъем земель Волго-Окского междуречья послужил важнейшей предпосылкой колонизации верхне-

---

[22] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 203—433.

[23] Очерки по истории русской деревни X—XII вв. М., 1956, с. 31—48, 60—73.

[24] Третьяков П. Н. Ук. соч., с. 124—126, 131, 133; Горюнова Е. И. Ук. соч., с. 190—244.

[25] Рыбаков Б. А. Ук. соч., с. 430—433, 591—592; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 52—64.

волжским населением заволжских и поморских земель. Экстенсивные формы хозяйства в старых центрах оседлости приводили к истощению естественных промысловых запасов — «бобровых мест», «рыбных ез» и «бортных лесов». Указывая на совместимость исторически обусловленного общественного строя «с определенным количеством населения», К. Маркс различные законы его роста в условиях докапиталистических форм сводил к условиям воспроизводства индивида «в тех определенных отношениях его к общине, в которых он образует ее базис». Недостаточное развитие производительных сил ставило эти условия, как и права гражданства «в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушить» и порождало вынужденные переселения, составлявшие в древности «постоянное звено общественного строя»[26].

Эти условия уже в XII—XIII вв. вызвали заметный отлив верхневолжского населения на север, к Белому морю, на северо-восток, в земли перми, и на восток[27]. Уже в конце XII в. северо-западная колонизационная струя меняет свое направление и основной поток новгородских и смоленских переселенцев устремился в Костромское и Кинешемское Поволжье[28]. В это же время в Междуречье Истры, Всходни и верхней Клязьмы остановилась вятичская колонизация, образовавшая в этом районе своеобразный выступ, вытянутый в сторону кривичской сферы колонизации[29].

Монголо-татарское нашествие нарушило этот прогрессивный процесс. Разрушив хозяйственную основу развития старых устойчивых комплексов старопахотных земель великорусского центра, оно замедлило прогрессивные в экономическом смысле процессы объединения земель и заселения новых территорий. Однако высокий уровень аграрного развития земель междуречья, достигнутый к XIII в., материальная устойчивость сельского хозяйства позволили его населению сравнительно быстро восстановить силы и к XIV веку превратить эту область в самую жизнеспособную в регионе.

---

[26] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 567, 568; т. 46, ч. I, с. 474, 483.

[27] Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере, с. 21—56; Третьяков П. Н. Костромские курганы. М., Л. 1931, с. 24—37; Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи. — МИА, 22, 1951, с. 156—158.

[28] Третьяков П. Н. Ук. соч., с. 131, 132, 134.

[29] Никольская Т. Н. Ук. соч., с. 42—96; Седов В. В. Ук. соч., с. 143—157.

Изживая последствия разорения, причиненного русскому народу монголо-татарским нашествием, страна уже с XIV в. встала на путь хозяйственного подъема, который характеризовался ростом производительных сил, внутренней колонизацией, распространением сельскохозяйственных культур на новые районы, развитием промыслов, ремесла, растущим разделением труда, увеличением товарного производства, возникновением новых городов, укреплением областных рынков и экономических связей. На территории междуречья отмеченные процессы развивались с заметным опережением, став важнейшей материальной основой централизации страны[30].

Решающим этапом в образовании Российского централизованного государства стало слияние Владимирского княжества с Московским.

Хозяйственное, ремесленно-торговое и военно-оборонное значение этого политического ядра русских земель, известного в летописях, разрядных книгах и актах конца XV—XVI века под именем Замосковья или Замосковного края[31], в XIV—XV вв., непрерывно возрастало. Его территория, слившаяся в XV в. экономически и политически, являлась областью наиболее развитого феодального землевладения, передовым участком феодализма. Здесь раньше, чем на окраинах Великой Руси, завязывается прочный узел крепостничества и рано выросли и окрепли те социальные силы, на которые опиралась великокняжеская власть в объединительной политике: служилые, князья и бояре, мелкие и средние великокняжеские слуги — дворяне и дети боярские, торгово-ремесленное население городов. Вместе с тем эта территория являлась оплотом феодального властвования и ядром складывающегося феодального централизованного государства, средоточием дворянства, требовавшего от правительства обеспечения его землей и крестьянами[32].

Западные и северо-западные земли России

Картина взаимодействия общественно-политических укладов на территории Смоленской земли аналогична рассмотренной для земель коренной России. Пригодные для хозяйственного освоения земли по Верхней Волге и Днепру с их прито-

---

[30] Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 149—296.

[31] Готье Ю. В. Замосковный край в XVII в. М., 1937, с. 84—88.

[32] Черепнин Л. В. Ук. соч., с. 457—458.

ками, в верховьях Сожа, Десны, Угры и Торопы в районе Касплинского волока уже в XI—XIII вв. были плотно освоены. Если в IX—X вв. в центральном районе Смоленской земли, судя по археологическим комплексам, существовало около 30 поселений, то в XI—XIII вв. их число выросло до 89, причем старые поселения функционировали в этом периоде как опорные пункты для расширения хозяйственного ареала других внутренних районов земли. Вокруг таких «родоначальных поселений» в XI—XIII вв. складываются компактные сгустки деревень, число которых нередко достигает 90—92, а их средний размер уменьшается. «Наиболее рациональными» стали поселения от 4 до 10 дворов. Это явление было обусловлено тем, что «подсечное земледелие в основном сошло со сцены» и культивировалось только при расширении посевных площадей, а обший уровень земледелия при сравнительно низкой сельскохозяйственной технике не позволял селиться более крупными массивами[1].

В уплотнении и срастании таких сгустков поселений как и в колонизации Волго-Клязьминского междуречья заметное участие приняло местное балтское население. Оно играло активную роль и в сложении самой этнографической группы смоленских кривичей. Украшения балтских типов широко встречаются в кривичских курганах с трупоположениями. Эти находки свидетельствуют о том, что в XI—XII вв. славянизация балтов еще продолжалась. В. В. Седов определяет ее как процесс медленной ассимиляции, который продолжался до XIV—XV вв. и выражался в постепенном смешении аборигенов-балтов и пришельцев славян при взаимном влиянии тех и других[2]. На XI—XIII вв. приходятся и первые значительные отливы смоленско-кривичского населения на Северо-Восток и на Север[3]. В совокупности факторов, воздействовавших на движение различных групп смоленского и владимиро-суздальского населения к Северу, экономический подъем старых земледельческих комплексов и развитие феодальных отношений были решающими. В числе других причин на это явление влияли как природно-экологические условия (периодически повторяющиеся засухи, испромышление угодий и истощение

---

[1] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960, с. 22—25, 31—51.

[2] Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв., с. 55—58, 158—164; он же: Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 163, 1970.

[3] Седов В. В. Сельские поселения, с. 242.

почв), так и внешнеполитические (феодальные войны, набеги литовцев и монголо-татар).

Также активно развивался синтез общественных структур в северо-западных землях региона и на территории Заволжья. До славянского расселения северо-западные земли региона принадлежали западно-финским племенам — води, ижоре и карелам. Это древнее население с приходом славян не покинуло мест своего обитания. Курганные захоронения показывают, что на территории Ижорского плато и на восточном побережье Чудского озера славяне селились среди водских поселений. Приток новгородских словен в эти земли особенно усилился в XI в., когда относительно плодородные массивы «орамых земель» по верхней Луге, Шелони, Полисти и Ловати были очищены от лесной растительности и сравнительно плотно заселены[4]. На этот же период приходится и первый отлив приильменского населения на север к Белому морю, на северо-восток, в Заволжье и на территорию Поволжья[5].

Культурное воздействие новгородских славян на западно-финское (водское и ижорское) население выразилось в распространении среди води и ижоры обряда сожжения мертвых и сооружения курганов, которые нередко находятся рядом со славянскими погребальными насыпями. Число курганных захоронений води в XII—XIII вв. заметно увеличивается. Наличие в ее погребальном инвентаре славянских вещей и изменения в погребальном и бытовом инвентаре говорят о постепенной смене культурного облика. Этническая чересполосица постепенно сменяется славянской этнокультурной общностью, что сравнительно хорошо заметно по слиянию и уплотнению славянских и западно-финских курганных могильников и поселений[6].

В пределах балтийско-ладожского выступа, верхней Луги и Плюсы, как и в южном Приильменье, в XI—XII вв. идет интенсивное внутреннее уплотнение системы поселений вокруг родоначальных для данного комплекса центров расселения, хорошо заметное по топографии курганных могильников и сменяющих их жальнических захоронений. Уже в XII—XIII вв. это приводит к слиянию близлежащих земледельческих комплексов в однородные массивы поселений. Так смыкаются,

---

[4] Седов В. В. Новгородские сопки. М., 1970, с. 9—12, 27—28.

[5] Третьяков П. Н. Ук. соч., с. 134, 142—152.

[6] Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XVI вв.). — СА, XVIII, 1953, с. 190—229; он же: Восточные славяне в VI—XIII вв., с. 174—184.

разрастаясь навстречу друг другу, Ижорский и Плюсинский массивы, Верхне-Лужский и Шелонский, бассейнов Полисти и Ловати, образуя к исходу XV в. этнически сравнительно однородный массив поселений, включающий несколько десятков тысяч сел и деревень[7].

Западно-финское и балтское население сохранилось частично лишь на западных окраинах расселения псковских кривичей и новгородских словен. Однако целый ряд этнокультурных компонентов этого населения долгое время сохранялся в составе культурных признаков кривичей и словен. На западных и восточных окраинах расселения балтов и води выявлены памятники с явными следами славянского влияния. С другой стороны, в погребальной обрядности и погребальном инвентаре псковских кривичей на этих окраинах встречаются особенности, чуждые славянскому похоронному ритуалу[8].

Немало элементов, связанных с западно-финской погребальной обрядностью, выявляется и в новгородских курганах (детали ритуала, жертвоприношения животных, сооружения из камня, украшения западно-финских типов — браслеты, шейные гривны, спиральные перстни, застежки и др.). В результате этого смешения сложилась своеобразная культура западных районов региона — симбиоз прибалтийско-финской и славянской. Сами новгородские словене, по мнению исследователей, являются «наследниками местных финнов, ибо они образовались в результате метисации переселенцев, принесших славянский язык, с финноязычными аборигенами»[9].

Отмеченные процессы сопровождались распространением на земли води, ижоры и юго-западных карел административной системы Новгорода Великого и христианизацией их населения. Карелы, составлявшие наиболее прочную опору Новгорода Великого на шведском порубежье, были крещены («мало не вси люди») уже в 1227 г. В эти же годы была крещена и какая-то часть ижоры, и прежде всего ее «лучшие мужи»[10]. Эта выделившаяся местная знать вливается в состав новгородского господствующего класса, а рядовое население попадает в феодальную зависимость. Социально-политическая структура этого района в XIV—XV вв. была од-

---

[7] Дегтярев А. Я. Русская деревня в XIV—XVIII вв., с. 27—29.
[8] Седов В. В. Ук. соч., с. 164, 168—169.
[9] Седов В. В. Ук. соч., с. 64—65, 184—185.
[10] ПСРЛ, т. 1, в. 2, с. 449; НПЛ, с. 292, 448.

ним из вариантов феодального развития Новгородской земли, хорошо изученного современными исследователями[11].

К востоку от Волхова и Ловати по всему пространству Приозерного края и Новгородского Полесья до Заволжья и Пошехонья располагались разрозненные сгустки поселений прибалтийских, волжских и частично (на восточной периферии) вычегодско-пермских финнов. Как и столетия назад, они селились у широких прибрежных и приозерных пойм, служивших основой для развития животноводства, которому сопутствовали охота, рыболовство и подсечное земледелие. Наиболее древнее население этого края — весь — отставало в своем развитии от народов Руси. И хотя в ее экономике исследователи уже улавливают элементы классообразования, формирование феодальных отношений и здесь проходило под непосредственным воздействием социально-политической системы Руси[12].

Из восточных районов новгородские словене раньше других (IX—X вв.) заселяют юго-восточное Приладожье по рекам Сясе, Паше и Ояти, где жила весь. Наиболее ранние курганы веси не содержат славянского элемента. Эти районы активно осваиваются новгородцами только в XI в. Здесь появляются значительные группы славянского населения. Тогда же в погребальном инвентаре веси выявляются отчетливые следы славянского влияния, свидетельствующие об активной ее ассимиляции[13].

Южные и восточные районы расселения веси становятся объектами колонизации верхневолжского (русского и мерянского) населения. Колонизационная струя из Верхнего Поволжья уже в XII—XIII вв. направилась по Шексне к Белоозеру, Вологде и в Закубенье. В том же направлении шло и расширение территории Ростово-Суздальского княжества. Белоозеро, служившее в конце X — начале XI вв. ключевым пунктом распространения новгородской дани на обширные области Подвинья, уже в 70-е годы XI в. вместе с погостами по Шексне и Ярославскому Поволжью переходит под контроль Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха. А новгородцы в конце XI века вынуждены были осваивать се-

---

[11] Аграрная история Северо-Запада России. Л. 1971.
[12] Пименов В. В. Вепсы, с. 170—174, 250—254, 196.
[13] Седов В. В. Ук. соч., с. 170—174, 184, 195, 269—273.

верный путь к низовьям Двины по Онежскому озеру и рекам Водле и Онеге[14].

Славянская колонизация и разраставшиеся контакты местного населения со славянами значительно изменили этническую структуру этого района уже к XIII—XIV вв., но здесь подвергнувшееся славянскому влиянию население еще долго сохраняло особенности своего погребального обряда. Многосторонние связи веси с русским населением повлекли заметную перестройку всех сторон ее культурно-бытового уклада. Весь заимствовала от русских тип жилища, основные элементы одежды и украшения, предметы домашнего обихода, черты свадебного обряда, форму религии. Результатом этих процессов явилась почти полная ассимиляция веси[15].

Эти изменения коснулись даже тех районов ее расселения, которые по разным причинам обошли стороной новгородские и верхневолжские колонисты. Курганы веси к XIII в. сохранились компактными группами, лишь в верхних течениях Суды, Мологи, Кобожи и Левочи. В большинстве случаев это низменные, мало пригодные к земледелию территории, покрытые заливными лугами, на которых весь продолжала развивать свою традиционную культуру. Но и в пределах этих областей, сохранивших обычный для веси жизненный уклад, местное население широко пользовалось изделиями славянских ремесленников. Переход к земледелию и усвоение славяно-русских элементов материальной культуры в XIV—XV вв. и здесь приводят к смене этнического облика веси, что заметно по погребениям с неустойчивой ориентацией и славянским инвентарем[16].

Феодальное освоение восточных земель веси протекало под влиянием ростовских, ярославских и белозерских князей. Ростовские князья уже в конце XIII — первой половине XIV века по течению Волги и Верхней Двины основывают ряд заимок. Согласно списку Двинских земель 1471 г. их владениями считались заимки по течению реки Ваги и ее нижним притокам Кулою, Вели, Пежме, Терменге, по притокам Средней Двины, Кодиму, Юмижу, Сие, Пиншаге, Челмохте, Тойме и Бохтюгу, левому притоку реки Сухоны[17].

---

[14] Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984; Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 191—193.

[15] Голубева Л. А. Ук. соч., с. 24—30, 54—61.

[16] Голубева Л. А. Ук. соч., с. 21—39, 51—56.

[17] АСЭИ, т. III, № 16, с. 32—33.

Аналогичную картину видим и на примере освоения южных земель этого района ярославскими и белозерскими князьями. В первой половине XIV в. ярославские князья по верхнему течению р. Мологи и ее притокам основывают Моложское княжество со стольным городом Мологою, от которого отпочковываются Сицкое, Прозоровское, Судское и Шуморовское. На другом конце Моложского изгиба Волги по течению рек Юхоти и Курбы кристаллизуются Юхотский и Курбский уделы. По другому притоку Волги — Шексне кристаллизуется Шехонский удел с Ухорским и Новленским, а в далеком Закубенье, по речкам Кубене и Верхней Двинице — Заозерско-Кубенский. Все эти уделы располагались за много верст от Ярославля. По западному Белозерью и по течению мелких рек и речек Пошехонья — Суде, Андоге, Карголому, Ухре, Соге, Согоже, Ухтоме, Шелекше, Кеме, Кадбою — в половине XIV в. складываются небольшие княжества белозерских князей — Андожское, Карголомское, Кемское, Сугорское, Ухтомское, Шелешпанское, Белосельское[18].

Появление этих княжеств связано с хозяйственным подъемом осваиваемых земель, ростом феодальной экономики, населения и усложнением социальной структуры.

По источникам XIV—XV вв. отчетливо заметна связь этого дробления с вовлечением княжеско-боярскими группировками разноязычного населения северного Заволжья в податную и государственную зависимость. В этом плане рост политического значения Ростова и Суздаля, Ярославля и Белоозера, Костромы и Галича, Вологды и Устюга Великого, Нижнего Новгорода и Вятки (Хлынова), как и других окраинных городов, был обусловлен в значительной мере ростом колонизации и феодальным освоением новых земель, развитием их экономики и подчинением разноязычного населения княжеской власти по суду и дани.

В этих процессах князья принимали самое непосредственное участие. Уже в XI—XII вв. они активно заселяли окраинные земли с недостаточной плотностью населения сведенцами из центральных областей и разноязычным полоном[19]. В XIII—XV вв. подобная картина получает более широкое распространение. В летописных сводах XIII—XV вв. содержится немало сообщений о приводе князьями «многого полона» из

---

[18] Экземплярский А. В. Великие и удельные князья в Северной Руси в татарский период. Т. II, СПб., 1891, с. 103—121; 167—171.
[19] ПВЛ, ч. I, с. 43, 101.

Еми, Чуди, Булгар, Мордвы, «татарских мест» и его поселении на окраинных землях[20]. Такие поселения тогда назывались «слободами». Их жители обладали известной податной, судебной и административной автономией и «свободой» от налогов и повинностей на время освоения земель «на лесу». На карте Северо-Восточной Руси второй половины XV в., составленной С. Б. Веселовским, указано 286 таких слобод. Они располагаются большей частью на окраинах княжений, и в особенности на северной периферии Северо-Восточной Руси[21].

Земли Русского Севера

Некоторую разновидность синтеза активного типа представляют поморские районы. Задолго до появления славян на севере эти районы стали ареной сложных этнических контактов саамских, самодийских, обско-угорских и финских народов. В западных и центральных районах Поморья размещались «сродные семьи» саамов (лопь дикая, лешая, терская, погосская, кололская), беломорской и заволочьской чуди, еми, веси и карелы. В восточных районах этого края жили разрозненные группы пермских, обско-угорских и самодийских народов. Уже в VII—IX вв. происходило продвижение финно-угров из средних районов региона к северу, выявляемое по археологическим памятникам и городищам на северной периферии Валдайской возвышенности и в южных районах Центрального Поморья. Население, сооружавшее эти городища, занималось скотоводством, подсечным земледелием, лесными промыслами и рыболовством. Здесь оно смешивалось с местными племенами охотников и рыболовов, сохранившими к его приходу первобытно-общинный строй.

Переселение финно-угров на север нельзя объяснить только политическими и социальными факторами. Оно во многом было вызвано хозяйственными условиями — преобладанием животноводческо-промыслового хозяйства и истощением его источников в старых районах расселения. Эти причины вынуждали их периодически менять места поселений и проникать в бассейны северных рек в поисках мест, богатых дичью, рыбой и пушным зверем.

---

[20] ПСРЛ; т. 1, в. 2, с. 445, 448, 449, 450, 461, 469, 474, 487; т. 25, с. 88, 89, 116, 117, 122, 123, 125, 130, 148.

[21] Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978, с. 7—34.

В XI—XII вв. в центральные районы Поморья ходили ватаги новгородских и владимиро-суздальских сборщиков дани и крестьян-колонистов. В составе последних наряду с преобладающим славянским населением (новгородским и верхневолжским) было немало западно-финских (карела, ижора, весь) и восточно-финских (меря, мордва, марийцы, удмурты) элементов[1]. В районах наиболее интенсивной колонизации — по Онеге, Северной Двине, Пинеге и Ваге—дорусское население в течение нескольких столетий было ассимилировано ильменско-беломорскими или верхневолжскими пришельцами. В стороне от этих водных дорог в XIV—XV вв. сохранилось немало чудских поселений, которые располагались большей частью в труднодоступных районах вблизи глухих озер и мелких речек[2].

Накопленный археологический материал и специальные разыскания по этнической истории и антропологии, а также наблюдения над диалектными особенностями и особенностями материальной культуры северно-русского населения позволяют дать довольно точную схему колонизации Поморья приильменским и верхневолжским населением. Выходцы из Новгородской земли заселяют и осваивают преимущественно юго-западное побережье Белого моря (Поморский, Кандалакшский и южную часть Карельского берегов). Верхневолжское население оседало в низовьях Северной Двины, на Летнем, Терском и в южной части Зимнего берега Белого моря[3].

Пути новгородских колонистов на север и восток в XI—XV вв. проходили тремя основными водно-волоковыми дорогами: 1) от Белоозера по Сухоне и Вычегде на Вашку и Печору; 2) от Онежского озера через многочисленные волоки по рекам Водла, Онега, Емца, Сев. Двина, Пинега, Кулой, Мезень на Печору и в Югру; 3) по реке Онеге к Белому морю и вдоль Зимнего берега в Двинскую землю и к устью Мезени. Пути на Волгу шли через озеро Ильмень, Мсту и Мологу, а также через Белое озеро и р. Шексну[4].

---

[1] Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. — История СССР, 1964, № 6, с. 96—104; Пименов В. В. Вепсы, с. 258—260.

[2] Лашук Л. П. Ук. соч., с. 118—133, 254—255, 264—268; Пименов В. В. Ук. соч., с. 189—191, 250—261.

[3] Витов М. В. Ук. соч. с. 96—98.

[4] Едемский М. В. О старых торговых путях на Севере. — Записки РАО, 1913, т. IX, с. 45—49; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 93—108.

Интенсивная колонизация ильменскими словенами северо-западного Поморья довольно хорошо заметна по распространению беломорско-ильменского антропологического комплекса в Заонежье, на Юго-Западном побережье Белого моря и в Нижнем Подвинье. Почти полное соответствие южной границы этого комплекса с южной границей распространения новгородского диалекта и некоторых традиций культурно-бытового уклада свидетельствует о ведущей роли новгородских словен в формировании состава населения этой части Поморья[5]. И хотя среди населения Заонежья и Беломорского побережья оставалось немало крестьян (особенно монастырских), говоривших «на другом языке», различия в его национальном составе в XVI в. по писцовым книгам и другим источникам не просматриваются[6].

Освоение земель Центрального Поморья, лежавших вдоль Сухоно-Двинского бассейна, шло двумя путями: через Белоозеро на реку Сухону и к Верховьям Северной Двины (в Заволочье) и через Онежское озеро по рекам Водле, Онеге, Емце в Двинскую землю[7]. Северный путь осваивается новгородцами после перехода Белозерья и Посухонья под контроль ростово-суздальских князей. По этому пути новгородские «данники» в XII—XIII вв. ходили на Пермь, Печору и Югру, а позднее двигался поток новгородских колонистов, оседая по р. Онеге, нижней Двине, нижней Ваге и частично по нижней Печоре, что подтверждается географией распространения ильменско-беломорского антропологического комплекса[8]. В этих же районах широко развивалась и новгородская боярская колонизация[9]. В их освоении данью, а затем боярскими вотчинами инициатива принадлежала новгородскому государству и сильнейшим корпорациям бояр[10].

---

[5] Витов М. В. Ук. соч., с. 98—99; Зеленин Д. К. Великорусские говоры в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, с. 371—372.

[6] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938, с. 83; Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии в XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, с. 26—32.

[7] «Заволочьем» в XI—XII вв. именовался ряд погостов за Кемским волоком по нижнему течению Северной Двины и Ваги с ее притоками. Территория Двинской земли занимала сравнительно небольшое пространство по Летнему берегу Двинской губы и Двинской (Матигорской) луке Северной Двины, доходя до района Орлец-Ступинский. См.: Насонов А. Н. Ук. соч., с. 101—103.

[8] Витов В. Ф. Ук. соч., с. 96—98.

[9] Данилова Л. В. Ук. соч., с. 228—250.

[10] Насонов А. Н. Ук. соч., с. 116, 109, 110.

В XII—XIII вв. в центральные районы Русского Севера направляется колонизационный поток из земель Северо-Восточной Руси. Изучение этого района историками, археологами, этнографами и лингвистами приводит к убеждению, что в составе колонистов наряду с преобладающим славянским (новгородским и верхневолжским) населением было немало западно-финских (карелы, ижора, весь) и восточно-финских элементов[11]. Накопленный археологический материал и специальные разыскания по этнической истории и антропологии северно-русского населения, а также наблюдения над особенностями материальной культуры поморов говорят о давних и глубоких связях верхневолжского населения с землями Центрального и Восточного Поморья и его ведущей роли в формировании культурного облика поморов[12].

Поток переселенцев из Северо-Восточной Руси уже в XII в. двинулся по Шексне к Вологде, Белоозеру и в Закубенье[13]. Путь к Белоозеру из Владимира и Суздаля по Клязьме и Нерли был хорошо известен летописцам. По этому пути в 1238 г. перед нападением «ратных татар» на Владимир «поиде к Ярославлю, а оттоле за Волгу на Сить» великий князь Юрий Всеволодович с братом Святославом и «с сыновнцы своими»; по этому пути «бегал» от «Батыевой рати» в Белоозеро и епископ Кирилл со своим окружением[14].

Другим направлением перемещения населения из Владимиро-Суздальской земли было северо-восточное — по Костроме и Сухоне к Устюгу Великому, служившему в XII—XIV вв. ключевым пунктом движения на север — в земли Двинского бассейна, на северо-восток — на Вычегду и в Камско-Печорский край, а также на восток — в земли Вятского края. У опорных пунктов колонизационного движения в последней трети XII — первой трети XIII в. вырастает ряд крепостей, построенных в одном конструктивном стиле: Кострома (1152), Нерехта (1213), Галич Мерский (1238), Унжа (1219).

---

[11] Витов М. В. Ук. соч., с. 96—104; Пименов В. В. Ук. соч., с. 258—260; Русские. Историко-этнографический атлас, т. I. М., 1967, с. 217, 230, 263; Голубева Л. А. Ук. соч., с. 23—24.

[12] Зеленин Д. К. Ук. соч., с. 339, 346—347, 371—377, 441, 520; Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории диалектных границ в Северной России. — ВЯ., 1968, № 6, с. 109—119; Русские, с. 217, 230, 263; Бернштам Т. А. Поморы. Л., 1978, с. 26—31.

[13] Голубева Л. А. Ук. соч., с. 21—56.

[14] ПСРЛ, т. I, с. 461, 465; т. 2, с. 779; т. 4 с. 368—370.

Важнейшим этапом в освоении земель этого края стало основание в 1178 г. города Устюга на устье реки Юг при слиянии ее с Сухоной. По конструктивным особенностям древнее устюжское городище близко примыкает к городищам Владимирско-Суздальской Руси (Дмитровскому, Переяславскому) и с самого начала выступает как опорный пункт ростовского влияния на северо-востоке[15]. В короткое время Устюг превращается в «великий» город, который держал под контролем почти все важнейшие пункты северного края по торговле пушниной. При необходимости устюжане могли выставить двухтысячную рать и отбиться от противника или откупиться от него десятками тысяч белок и сотнями соболей[16].

Высокий уровень развития пришлого русского населения, сплоченность, культурно-бытовое превосходство и прочные связи с феодальными центрами коренных земель Великой Руси обеспечивали его преобладание над разобщенными группами местного иноязычного населения и его «лучшими мужами», которые раньше своих соплеменников включаются в великорусскую социально-политическую систему. Наблюдения М. В. Витова показывают, что верхневолжское население вступало в более тесные контакты с местным населением Севера и смешивалось с ним, тогда как ильменско-беломорский тип оставался более чистым[17]. В начавшемся процессе этнической консолидации поморов верхневолжское население играет решающую роль.

В центральных землях в это время шло размывание хозяйственных, культурно-бытовых и диалектных отличий отдельных групп русского населения и формирование ядра великорусской народности[18]. На северной и восточной периферии продолжающееся растворение финно-угров в составе русского населения сопровождалось консервацией различий их быта, языка, духовной и материальной культуры[19].

Следует заметить, что финские группы населения свои исконные этнические признаки утратили не полностью. Тра-

---

[15] ПСРЛ, т. I, с. 438—439, 526—527; т. 25, с. 117; т. 7, с. 119, 127.

[16] ПСРЛ, т. 6, с. 194; т. 25, с. 290; т. 37, с. 45, 46, 88, 89.

[17] Витов М. В. Ук. соч., с. 96, 98, 104.

[18] Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1978, с. 77—105.

[19] Зеленин Д. К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. — Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, 1954, т. 6, с. 53—54.

диционные черты их культурного наследия долгое время давали о себе знать в приверженности пришедшего им на смену населения к комплексному хозяйству, основанному на сочетании скотоводства, охоты, рыболовства и земледелия, в употреблении характерных для Севера рыболовных, зверобойных и земледельческих орудий, промысловых построек, в особенностях жилищ, в специфических формах культурно-бытового уклада[20].

Для большинства районов Поморья крупное привилегированное землевладение не было типичным. Трудные условия хозяйственного быта, требовавшие значительного опыта и большой личной инициативы, сказались на общественной организации поморского населения и обусловили в известной мере неустойчивость крупного землевладения, преобладание индивидуальной собственности и мелкого крестьянского хозяйства, наличие прочной сельской общины, слабое развитие городов и значительную роль государственной власти великорусского центра в процессе вовлечения населения края в феодальную зависимость. Землевладение новгородских бояр получило некоторое распространение в Нижнем Подвинье лишь после жестокого пресечения новгородской ратью попытки «двинских бояр и всех двинян» отложиться от Великого Новгорода. Но и тогда оно оказалось неустойчивым[21].

Аналогичную картину мы наблюдаем и на примере развития монастырского землевладения. Сравнительно значительные монастырские вотчины выявляются лишь в северо-западном Поморье. Но и здесь, исключая Соловецкий, Рождественский, Палеостровский, Никольский, Вяжицкий, Ошевский, Успенский, Кожеозерский и Печенгский монастыри, большинство других не играло самостоятельной роли. Хозяйство крупных монастырей стояло близко к боярскому. Сбор хлебного и денежного оброка они сочетали с поборами «мелкого дохода» и развитием свободного монастырского хозяйства[22].

По направлению к востоку количество земель духовных вотчинников убывает. Незначительные владения на Двине были у новгородских монастырей Вяжицкого, Юрьевского,

---

[20] Пименов В. В. Ук. соч., с. 106, 253; Лашук Л. П. Ук. соч., с. 71—75.

[21] Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера XVI в. Л., 1973, с. 95—97, 105—107, 110—113.

[22] Данилова Л. В. Ук. соч., с. 250—260; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961, с. 58—61, 69—70.

Ивановского и у Софийского дома. Местные монастыри — Архангельский, Николо-Корельский, Чухченемский и Успенский на Емце — были незначительны по размерам и их земли находились в чересполосном владении с крестьянскими общинами. Даже во второй половине XVI и в XVII веке, когда монастыри Двинской земли умножили свои земельные владения, они не достигали 10% от общего числа вытей[23].

3. РАЙОНЫ УРАВНОВЕШЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Социальные формы, свойственные районам активного типа взаимодействия общественно-экономических укладов, медленно закреплялись в землях сплошного расселения иноязычных народов Севера (пермь, печора, югра), Северо-Запада (западная чудь, карелы, финны, емь) и Волго-Камья (мордва, чуваши, марийцы, удмурты). Источники говорят о существовании у этих народов уже в XII—XIII вв. имущественной дифференциации, индивидуальной семьи с наследственной собственностью на недвижимость, общины и правящего слоя «лучших мужей», которые располагали значительной властью в своих землях и были связаны разными видами «ротничества» с русскими князьями[1]. В прошлом они не имели самостоятельной государственной традиции, и консолидация их отдельных земляческих групп протекала под воздействием русской государственности.

Основная масса карельского населения в начале XIII в. жила на Карельском перешейке, а также в северном и западном Приладожье («ладожская карела»)[2]. Другие районы современной Карелии — Обонежье и Заонежье — в те времена были населены весью и частично саамами. Отдельные сгустки карельских поселений существовали здесь лишь в западных районах Заонежья. К северу от карел жили саамы[3]. Эти районы осваиваются карелами в XIII—XV вв. Это было обусловлено как хозяйственными, так и политическими факторами — вторжением в XIII в. в западно-карельские земли шведов. Уже в XIII в. группы карел появляются на Олонецком Перешейке. В последующие годы «из-под шведов» уходят

---

[23] Копанев А. И. Ук. соч., с. 40—41.
[1] ПВЛ, ч. I, с. 40, 83, 114, 232. Пашуто В. Т. Ук. соч., с. 101, 116.
[2] Насонов А. Н. Ук. соч., с. 121.
[3] Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья в XVI—XVII вв. М., 1962, с. 63—64.

новые группы «карелы», расселяясь на всем пространстве Обонежья и Заонежья среди западной веси, подчиняя ее своему влиянию и постепенно сливаясь с ней в один карельский народ[4].

Вся эта территория с разноязычным населением уже в XII—XIII вв. входила в состав Новгородской земли. Власть новгородского центра первоначально не затрагивала основ общественной жизни этого населения, ограничиваясь получением дани и не выставляя в зависимые волости опорных крепостей и военной «засады». В XIII в. в обстановке усилившейся экспансии немецких, датских и шведских феодалов новгородское правительство в наиболее населенном районе северо-западного Приладожья образует самостоятельную Корельскую волость, которая в конце века включается в состав «всей Новгородской земли» на положении таких земель, как Ладога или Псков, имевших автономное управление[5].

Возможности аграрного развития этих районов расселения карел не были равнозначными. В западных и южных районах земледелие играло определяющую роль в жизни карел. Упоминание в летописях и окладных книгах «страдомых земель», «полосок», «обилья» (хлеба) — овса, ячменя, ржи — и огородных культур позволяет говорить о большой и важной роли земледелия в жизни карел. В собственно Корельской земле оно было основным занятием населения[6].

На этой основе в XIII—XIV вв. идет активное развитие феодальных отношений. На территории Корельской земли уже в XIII веке появляются богатые погребения, которые говорят о далеко зашедшем процессе имущественной и общественной дифференциации. Из состава карельских общин выделяется слой собственников земель и угодий, которые в первой четверти XIV в. могли продавать их как новгородцам, так и шведам, жителям Выборга[7]. Почти все земли этого района

---

[4] Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. П., 1947, с. 37—39.

[5] НПЛ, с. 78, 89, 295; Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск, 1941, с. 37—44, 75—80.

[6] НПЛ, с. 348, 349; Крестьяне Корельского уезда обязаны были давать своим вотчинникам рожь, овес, ячмень, пшеницу, печеный хлеб, пиво, лен, мясо, баранину, свинину, масло, сыр, овчины, кур, яйца, тетеревов, куниц, белок, зайцев, рыбу, деньги. Чаев Н. В. Северные грамоты XV в. — ЛЗАК, вып. 35. Л., 1929, № 16, с. 136; № 21, с. 139; № 22, с. 140; № 27, с. 142.

[7] ГВНП, № 8, с. 18, 19; № 9, с. 67—68; Жеребин А. С., Шаскольский И. П. Особенности развития феодализма в Карелии (XI—XV вв.). — История СССР, 1982, № 4, с. 132—140.

по писцовым книгам конца XV в. принадлежали крупным светским и церковным феодалам. Единственной категорией земель, не освоенной ими, были земли наместничьих крестьян и близких к ним крестьян-чернокунцев, числившихся за наместником «из старины». Основную часть населения в феодальных волостках составляли пашенные крестьяне, эксплуатация которых осуществлялась путем взимания феодальной ренты, выплачиваемой деньгами или натурой[8]. Эти крестьяне объединялись в общины и волостки во главе со старостами, которые в XV в. от лица «всех крестьян» все еще «уряжались» с вотчинниками о своих повинностях «по старине»[9].

Удельный вес земледелия был весьма значительным и в хозяйстве крестьян обонежских и заонежских погостов, которые располагались вокруг Онежского озера (Обонежье) и к северу от него (Заонежье). Только в самых северных погостах Заонежья с малоплодородной почвой основным занятием крестьян была промысловая деятельность. В остальных погостах население состояло из пашенных крестьян, хотя почти к каждой деревне и здесь были приписаны охотничьи и рыболовные угодья, что говорит о важном значении этих отраслей в хозяйстве крестьян[10].

Население этого обширного края в конце XV в. согласно писцовым книгам считалось православным и носило русские имена. Но антропологические наблюдения и топографическая номенклатура деревень указывает на то, что оно было смешанным[11]. Обонежские и заонежские погосты осваиваются новгородцами уже в начале XII в. В церковном уставе Святослава (1137) и приписках к нему отражена разветвленная система сбора даней — денежных, медовых, соляных, меховых — с населения Обонежья[12]. В XII—XIII вв. в эти районы направляется поток приильменских переселенцев, который был особенно значительным в XIV в.[13], а в XIII—XIV вв. здесь появляется уже довольно разветвленная сеть новгородских боярщин и монастырей, проводивших настойчивую политику

---

[8] ВОИДР, 1851, кн. II, с. 119, 137, 141; Северные грамоты XV в., с. 139—144.

[9] ГВНП, № 115, с. 174.

[10] Писцовые книги Обонежские пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930, с. 4, 5, 9, 94, 159, 145, 177. Далее: ПКОП.

[11] Витов М. В. Антропологические данные, с 103; Мюллер Р. Б. Ук. соч., с. 26—32; Гадзяцкий С. С. Ук. соч., с. 153—154.

[12] ПРП, в. 2, с. 116—118.

[13] Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII вв. М., 1974, с. 181, 182, 189.

по христианизации и феодальному освоению чуди, веси и других «иноязычников»[14].

Население Обонежья в XV в. в основном состояло из пашенных крестьян, находившихся в зависимости от светских и духовных феодалов, среди которых выделяются Борецкие, Глуховы, Берденевы, Тимофеевы, Морозовы и др. Почти все оно было на оброке, в основном натуральном (белки, сиги, лососи, осетры, куницы и др.[15]), в меньшей степени денежном[16]. Значительные земельные владения принадлежали новгородской архиепископской кафедре и крупным монастырям — Коневскому, Юрьевскому, Вяжицкому, Палеостровскому и Муромскому[17]. В западных землях карел, лежавших за пределами Корельской земли, местная специфика в развитии феодальных отношений проявилась с большей силой. Но большее количество земель Западной Карелии также принадлежало архиепископу и монастырям. Владения светских вотчинников не были здесь значительны[18].

Северные районы современной Карелии, территория так называемых «лопских погостов», не были благоприятными для развития земледелия. Даже в относительно урожайные годы, когда ячмень и рожь не «побивало» поздними заморозками, земля далеко не всегда давала тот скудный урожай, который мог обеспечить местному населению необходимый прожиточный минимум. По этим причинам новгородская, как и карельская крестьянская колонизация, обходила лопские погосты, которые сохраняли свою этнокультурную индивидуальность и в XVII в.[19]. Основным занятием населения «лопских погостов» были рыбная ловля и охота. Они уплачивали в казну Великого Новгорода дань, но о ее размере и технике сбора источники умалчивают. Города и ремесленно-торговые центры в этом районе отсутствовали.

Лопские погосты доходили до западного (Карельского) берега Белого моря, откуда лопь была оттеснена карелами к верховьям Керети, Кеми, Выга и Сумы. Хозяйственная жизнь этого самого богатого района карел отличалась от других про-

---

[14] Данилова Л. В. Ук. соч., с. 251—258.
[15] ПКОП, с. 4—9; АИ, т. 3, № 75, с. 71; ААЭ, т. 1, № 27, с. 19.
[16] Аграрная история Северо-Запада России, с. 228—235, 252—262.
[17] Аграрная история Северо-Запада России, с. 252.
[18] Гадзяцкий С. С. Ук. соч., с. 141—142.
[19] Богословский М. М. Ук. соч., т. I, с. 12—13.

мысловой направленностью, ориентированной в значительной степени на рынок. Основой хозяйства в этом районе были промыслы, главным образом рыболовный и солеварный, а также добыча смолы и жемчуга[20]. По этим причинам уже в начале XV в. почти вся территория Карельского берега была в собственности «пяти родов корельских детей» и небольшого количества новгородских вотчинников, приобретавших свои «доли» владений у «корельских детей». Среди последних упоминается посадник Афанасий Есипович, купивший в 1419 г. «на море и в Выгу два участка в земле и в воде», а также «ловища и пошлины» по другим рекам за «два рубля в век собе и своим детем». Другой посадник Дмитрий Васильевич в 1448 г. купил у Ховры Васильевны Таивутовой, жены местного карельского землевладельца Давыда, «отцину еи и дедину» «по морскому берегу», а также по «лешим озерам» и берегам пяти здешних рек и «в лешей лопи» её участок «за полчетвера рубля, собе и в векы своим детем»[21].

Иногда новгородские бояре и «корельские дети» поочередно владели угодьями. Источники упоминают «боярский год» и «корелы год». На этой почве вспыхивали конфликты. Новгородский тысяцкий Дмитрий Васильевич где-то в 1447 г. посылал «своих ловцов на корельский год на свою куплю на Выг, и корела тысяцкого людеи сгониле, и сети выкинуле». Но эти столкновения не выходили за рамки обычной борьбы феодалов за землю и рабочие руки. Новгородская политическая система и новгородское боярство, несмотря на замкнутость своей касты[22], в целом не препятствовали развитию местных землевладельцев, и «корельские дети» в числе других были существенным элементом новгородской политической системы.

Местная верхушка карел была весьма заинтересована в поддержке новгородского боярства для сохранения своего господства среди карел и лопи, к которым «корельские дети» ходили за «празгой». Важную роль в этом союзе играла и возможность сбыта на новгородских рынках наиболее ценного карельского товара — пушнины, а также усиливающаяся крестоносная агрессия. Отмеченное сдерживало развитие сепаратистских тенденций в Корельской земле. Она оставалась

---

[20] Данилова Л. В. Ук. соч., с. 213; Миллер Г. Ф. Ук. соч., с. 27—28.

[21] ГВНП, с. 288—289, 294—295; № 290, с. 290—291; № 291, с. 291—292.

[22] Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина, с. 213—215, 229.

наиболее надежным союзником Новгорода Великого в борьбе против натиска шведского агрессора, который в XIII—XIV вв. в значительной степени отражался силами карел[23].

Включение карел в сферу социально-экономического развития Новгорода Великого, длительное и разностороннее общение с русскими ускорили процесс феодализации и способствовали общему подъему разных сторон их экономики и культуры. Это повлекло за собой заметную перестройку социально-экономического и культурно-бытового уклада карел[24]. Языковеды уже к XIII—XIV вв. относят широкое проникновение в карельский язык славянской терминологии. Карелы заимствовали у русских вместе с рядом технических приемов и культурно-бытовыми нормами соответствующую производственную, общественную и даже семейную терминологию[25]. Сама карельская община складывалась под влиянием русского общественного быта. Судя по северным грамотам XV—начала XVII века (более ранние ее черты выделить не удается), она во многом напоминала общину поморских крестьян. Мирские люди избирали старост и сборщиков податей, земских судей и мирских дьячков. В XVI в. в связи с общим хозяйственным подъемом края, в карельских общинах наблюдается тот же процесс социального расслоения черной волости и выделения из нее сельских богатеев[26], который хорошо изучен на материале крестьянских общин центрального Поморья.

Близкие формы взаимодействия общественных структур и хозяйственных укладов выявляются у пермских народов Вычегодского края и Закамья. Граница их расселения в XIII—XIV вв. на западе доходила до Пыроса (у современного Котласа), где Стефан Пермский крестил первых пермян; на юге они соприкасались с весью, черемисами и удмуртами, северная и восточная границы определились позднее, когда значительный поток пермян двинулся с юго-запада на северо-восток (к Ижме и Печоре), где в XV—XVI вв. складывается северная группировка коми-зырян[27].

---

[23] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. М., 1978, с. 29—31, 94, 208, 218, 221.

[24] Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. М., 1965.

[25] Бубрих Д. В. Ук. соч., с. 21—23.

[26] Материалы по истории Карелии, №№ 19, 43, 46.

[27] Савельева Э. А. Пермь Вычегодская. М., 1971, с. 131—176; Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии. — СЭ, 1946, № 2, с. 56—65; Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972, с. 38—55.

В результате разнообразных контактов восточной и западной перми с нижневычегодскими (весью) и вятско-камскими (удмуртами, черемисами) народами в разных районах Вычегодского и Верхнекамского края складываются лузская, сысольская, вилигодская, нижневычегодская и ужговская «пермца», имеющие особенности в материальной культуре, языке и физическом складе[28]. По актовым грамотам XV в. рубежи пахотных земель, рек, озер, угодий и падунов «пермских волостных людей» — пермяков, вычегжан, вымичей, сысоличей, удорен и ужговских сирян (зырян) — четко отграничивались друг от друга[29]. Районами наиболее раннего расселения западно-пермских народов были бассейны рек Сысолы, Лузы, Виледи, Выми и Нижней Вычегды[30]. Их население раньше других групп перми втягивается в многосторонние контакты с землями Руси. В числе данников Руси Пермь упоминается уже в «Повести временных лет»[31]. С утверждением политической раздробленности Руси часть пермских земель (преимущественно земли вымских пермян) попала в зависимость от Великого Новгорода[32]. Земли Вычегодской перми входят в сферу влияния ростово-суздальских князей. Ко времени активного включения Перми в социально-политическую систему Великой Руси при Дмитрии Донском новгородские бояре в своей части Перми не смогли продвинуть опорных пунктов властвования—городков, погостов и острогов — дальше Выми[33]. В XII—XIII вв. бассейн Ваги и ее правых притоков, как и весь Сухоно-Вычегодский район, становятся сферой влияния ростовских князей. «За Волоком» при Андрее Боголюбском были земли, где жили «суздальские смерды», и суздальские князья не пускали «сквозе свою землю» за Волоком новгородских данников[34].

С основанием Устюга (1212 г.) влияние ростовских князей в Двинском и Сухоно-Вычегодском крае усиливается. К нему тянули обширные районы по Вычегде, Двине и Сухоне. В

---

[28] Лашук Л. П. Ук. соч., с. 109—138; Савельева Э. А. Ук. соч., с. 28—29; Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982, с. 34—40.

[29] АСЭИ, т. 3, № 291, 291а, 291б, с. 307—315.

[30] Савельева Э. А. Ук. соч., с. 157—176.

[31] ПВЛ, ч. I, с. 10, 13, 206, 210.

[32] Насонов А. Н. Русская земля, с. 112.

[33] Насонов А. Н. Ук. соч., с. 187—189; Савельева Э. А. Ук. соч., с. 75—100.

[34] НПЛ, с. 33, 59, 221, 260.

XIII—XIV вв. «устюжские князи» прочно контролируют Сухоно-Вычегодский торговый путь, который по Сев. Кельтме вел «с Юсть-Юга на верх Камы»[35].

Эти процессы сопровождались значительными смещениями верхневолжского населения в Посухонье, верхнее Подвинье и «на верх Камы». Изучение топонимов этих районов приводит исследователей к выводу, что финноязычное население Посухонья и Северной Двины (древнепермское население и весь) уже в XIII—XIV вв. начало растворяться в русской этнической среде и частично отступать под ее натиском[36]. «Тоймичей поганых», живших по верхней и нижней Тойме, и «суру поганую» нижней Пинеги источники XIV—XV вв. фиксируют за пределами Сухоно-Двинского района[37]. Но Посухонье, как и область Устюга Великого, в начале XVI в. в языковом и культурном отношениях отличались от центральных земель России. По свидетельству С. Герберштейна, даже у жителей Устюжской волости в начале XVI в. был «свой язык, хотя они больше говорят по-русски»[38].

В XIII—XIV вв. русское население в значительном количестве появляется в Прилузье, на нижней Сысоле и нижней Вычегде. Судя по прозвищам, это переселенцы из Соли Галицкой и Великого Устюга[39]. С этого времени торговые связи «ближней пермцы» низовьев Виледи и Вычегды с землями Северо-Восточной Руси значительно активизируются. Пермь поставляла в среднерусские княжества ценные сорта пушнины, а взамен получала металлические изделия, украшения и ткани[40]. Одновременно возрастала зависимость «ближней», Вычегодской Перми от великокняжеской власти, что становится особенно заметно при Дмитрии Ивановиче Московском, когда четко определилась роль Москвы как организующего центра «всея Руси» в освободительной борьбе с Ордой за независимое Российское государство.

«Пермские люди» как и «устюжские князи» по «ордынской тягости» стояли в зависимости от московского князя уже

---

[35] НПЛ, с. 97, 99, 339, 415; ВВЛ, с. 257; ПСРЛ, т. 25, с. 116, 168.

[36] Власова И. В. Русские и субстратные основы топонимов междуречья Северной Двины и Волги (XVIII—начало XX в.) — В кн.: Ономастика Поволжья. Горький, 1971, с. 182.

[37] ДДГ, с. 356, 437.

[38] Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 126.

[39] Лашук Л. П. Ук. соч., с. 75, 83, 84, 267—276, 281—283.

[40] Савельева Э. А. Ук. соч., с. 118.

при Иване Калите. Его внук, Дмитрий Иванович, выгнав галицкого князя из Галича, в 1364 г. взял «свою волю» и над ростовским князем, отняв у него «пермские места устюжские»[41]. В 1367 г. у новгородцев были отобраны Мезень и Печора, куда в это время сместилась часть пермян. На Печору уже при Иване Калите ходили для соколиного и морского промыслу его приказные люди «с ватагой». При великом князе Василии II «на Керголе да на Чаколе,... на Мезени да на Пермьских, да на Немьюзе, да на Пилиих горах» сидели великого князя волостели и тиуны, которых новгородцы в феодальную войну второй четверти XV в. на короткое время «сбили» вместе с их людьми, «а те волости все поотоимали за собя». А Важка, как и «Вычегодское — пермяки», считались «исконное место великого князя»[42].

Русское влияние было особенно сильным в западных землях Перми, примыкавших к устюжским волостям. Отсюда, с Пыроса, начал в 1479 г. свою миссионерскую деятельность Стефан Пермский и постепенно распространил ее вверх по Вычегде. Располагаясь в центре контактной зоны между русскими и пермско-финскими землями, пермская епархия с XIV—XV вв. носила характер самостоятельного удела, владыка которого, объединяя в своих руках функции светской и духовной власти, был полновластным наместником великого московского князя.

Деятельность Стефана Пермского облегчила колонизацию Вычегодского края русским населением и усилила процесс включения его населения в социально-политическую и культурную систему России. Продукты охотничьей ловли поступают в распоряжение московских князей, бояр и вельмож, которые «в ня же облачаются и ходят и величаются подолки риз своих». Они сколачивали значительные богатства на торговле мехами, отправляя их на рынки в Орду «до самого мнимого царя..., и в Царьград, и в немци, и в Литву, и в прочая грады и страны, и в дальнии языки». В Пермскую землю наезжали из Москвы «тивуны и доводчики и приставницы», насаждавшие новые порядки и отношения[43].

Активное включение «ближней пермицы» в социально-экономическую и колонизационную сферу Руси значительно изменило этническую структуру Вычегодского края. В период

---

[41] ПСРЛ, т. 15, в. I, с. 74; ВВЛ, с. 257—258.
[42] АСЭИ, т. 3, № 2—3, с. 15—16; № 14—16, с. 30—33.
[43] Житие св. Стефана, епископа Пермского. СПб., 1897, с. 48, 87.

активного освоения западно-пермских земель русским земледельческим населением, отчетливо выявляется усвоение вилигодской «пермцей» материальной и духовной культуры русского населения и технологии изготовления его производственного инвентаря. Это сопровождалось полным обрусением населения западно-пермских земель (позднейшие уезды Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский), куда, в места наиболее древнего расселения перми и вместе с тем наиболее хлебородные районы в XIV—XV вв. переместились довольно значительные массы верхневолжского населения. Но теперь следы пребывания пермян в этих районах выявляются только по материалам археологических раскопок и по типично пермским названиям мест и селений[44]. К началу XVI века большинство пермян восприняло русский язык и культуру и вычегодская «пермца», как и вилигодская, исчезает, как этническая группа[45]. Небольшие острова перми еще сохранялись по верховьям Лузы, Виледи, Пинеги и Яренги, но в XVII в. и они растворяются в массе русского населения[46].

Аналогичные изменения выявляются и в юго-восточных районах расселения перми — в Вятском крае и Верхнем Прикамье. Первые славянские переселенцы появляются здесь уже в конце XI — начале XII века. Однако активное проникновение славян в Вятско-Камский край относится ко второй половине XII в., когда Пермь и Югра попадают в орбиту интересов Великого Новгорода и великих князей Владимирских. Этот процесс достаточно полно отражен в памятниках вымской и родановской культуры. На поселениях, принадлежащих предкам коми-зырян, резко увеличивается число вещей русского происхождения — железные орудия труда, изделия и украшения из цветных металлов (височные кольца, решетчатые подвески, перстни, пластинчатые браслеты) и стекла. С конца XII в. широкое распространение получает и гончарная керамика. Славянские вещи нередко встречаются на поселениях и в могильниках (оружие, предметы культа, украшения), свидетельствуя о совместном проживании русского и финского населения[47].

---

[44] Писцовая книга 1608 г. по Яренскому уезду. — Акты времени правления Василия Шуйского. М., 1914, с. 268—272.

[45] Жеребцов Л. Н. Ук. соч., с. 34—37, 57—71.

[46] Дмитриев А. Д. Пермь Великая в XVII в. — В кн.: Пермская старина. Пермь, 1890, вып. 2, с. 39—44.

[47] Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв., с. 196; Савельева Э. А. Ук. соч., с. 74—108.

В конце XIII—XIV в. начинается постепенное включение Вятско-Камского края в социально-политическую систему Великой Руси, сопровождавшееся значительными перемещениями в эти районы верхневолжского крестьянского земледельческого населения. Эти факторы постепенно изменяют этническую ситуацию западных и южных районов Вятско-Камского края. К XVII в. пермское население («сиряне ужговские») сохранялось здесь в виде небольших островков только в верховьях Сысолы, Летки, Корбы и верхних притоков Вятки[48].

В северных и восточных районах Вятско-Камского края пермское население сохранилось более значительными массивами. Здесь оно перемежалось с поселениями вогулов и татар. Равнинная часть Вишеры и других левых притоков верхней излучины Камы (Вишерки, Березовки, Колвы и Язьвы) была заселена пермяками, которые впоследствии складываются в этническую группу язьвинских коми-пермяков. В верховьях Камы и по ее верхним притокам (Весляне, Тимшеру, Косве и Вельве) располагались зюздинские коми-пермяки. Вся горная часть Закамья от Вишеры до Чусовой принадлежала вогулам.

Экономические и политические контакты «Перми Великой на Каме» с русскими княжествами активизируются уже в XII—XIII вв. Путь «с Юсть-Юга на верх Камы» был хорошо известен летописцам, и по нему не раз «к Тюмени торгом» ходили в XIV в. русские купцы. И далее «в Югру на Обь Великую реку»[49]. На XII—XIII вв. приходятся и первые переселения в эти районы русского населения. Оно размещалось по течению Камы и ее верхней излучины до впадения в нее р. Чусовой[50]. Земледелие здесь дополнялось охотой и рыболовством, игравшим важную роль в жизни населения[51].

Эти черты были свойственны и хозяйственному быту жителей Мезенского края, куда в XIV—XV вв. переместилась значительная часть пермского населения[52]. По течению Пинеги, по свидетельству С. Герберштейна, вследствие беспло-

---

[48] Лашук Л. П. Ук. соч., с. 109—150; Жеребцов Л. Н. Ук. соч., с. 26—56.

[49] ПСРЛ, т. I, в. 1, с. 438, 439; т. 4, с. 64, 65; т. 25, с. 116. См. также: Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950, с. 168; Дмитриев. Пермская старина, ч. 1, с. 40—44; Дебольский В. Н. Сибирские пути в XVI—XVII веках. Киев, 1900, с. 2—6.

[50] Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X—XIV веках. М., 1951.

[51] Тихомиров М. Н. Россия в XVI ст., с. 257—259.

[52] Лашук Л. П. Ук. соч., с. 54—55, 115—116.

дия почвы и частых летних заморозков жители разбросанных деревушек добывали пропитание от «ловли рыбы, зверей и от звериных мехов всякого рода, которых у них изобилие»[53]. Население Вашско-Мезенского края сложилось в XV—XVI веках на основе пермских этнических групп, переселившихся на верхнюю Вычегду, Вашку, Мезень и Ижму в XIV—XV вв., и местных древнелопарских и древнеугорских этнических элементов. Переселения народов в средние века, как мы уже замечали, во многом были связаны с хозяйственными явлениями — истощением и испромышлением естественных и зоологических ресурсов в прежних местах обитания. Немалую роль в этом играло усиление податной «тягости», которая после общей переписи 1481 г. всех пермских земель великокняжескими писцами стала регулярной и довольно значительной — «с лука по соболю, а не будет соболь, ино за соболь четыре гривна»[54].

Не ранее второй половины XV в. на Верхнюю Вычегду, Вашку, Мезень, Ижму и Печору потянулся и поток верхневолжских колонистов. Первое время им даже удалось ассимилировать часть населения нижней и средней Мезени. Но после массового притока в эти земли вычегодских и вымских пермян русское население растворилось в их массе и «зырянизировалось»[55]. Подобные случаи деэтнизации более развитых в хозяйственном и культурном отношении пришельцев в непривычных природных и хозяйственных условиях прослеживаются и в других районах Севера. Неумение русских крестьян приспособить традиционную систему хозяйственных навыков к экологическим условиям притундринской зоны делало их пассивным компонентом существующей хозяйственно-политической системы[56].

Однако влияние общественного уклада Руси и русской материальной культуры было значительным и в районах сплошного расселения перми. Хозяйственные связи коми-зырян с русскими, по признанию исследователей, значительно прод-

---

[53] Герберштейн С. Ук. соч., с. 134: Тихомиров М. Н. Ук. соч., с. 254—259; Лашук Л. П. Ук. соч., с. 117—121, 129—131.

[54] АСЭИ, т. 3, № 291а, с. 308—309; № 291б, с. 311—315; ВВЛ, с. 262—263.

[55] Лашук Л. П. Ук. соч., с. 149—151; 253—255, 260.

[56] Ямзин И. Л., Вощик В. П. Учение о колонизации и переселениях. М., Л., 1926, с. 106, 114—115; Косарев М. Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западной Сибири. — СА, 1972, № 4, с. 23—29.

винули вперед земледельческое хозяйство коми: появились улучшенные формы кос, сох, топоров, усовершенствовалась система земледелия и более совершенные способы обработки и хранения зерна. Расширился и сам ассортимент полевых и огородных культур. В последующие века роль земледелия в хозяйстве коми постоянно возрастала, и оно развивалось в направлении, типичном для других районов Русского Севера. Улучшилось стойловое содержание скота и расширилось его использование в хозяйственной жизни. И в этой сфере основная заимствованная терминология шла от русских, накапливаясь в течение многих веков. Аналогичная картина наблюдается в развитии домашнего и городского ремесла. Судя по терминологии, коми позаимствовали у русских многие кузнечные, столярные и плотницкие инструменты, приемы изготовления домашней утвари, одежды и обуви. Русские заимствования выявляются даже в традиционных занятиях коми — животноводстве, охоте и рыболовстве. Распространение новых приемов и орудий промысла (ловушек, силков, капканов, а позднее — огнестрельного оружия) заметно подняло эту важную отрасль хозяйственной жизни. Русское влияние широко захватывает общественный и семейный быт коми, верования и обряды[57].

Социальная организация народов Перми имела немало общего с землями Русского Севера. Специфические формы хозяйства, требовавшие большой личной инициативы для добычи средств жизни, исключали широкое применение принудительного труда в основных производственных сферах и определили господство мелкого крестьянского хозяйства и черносошного землевладения.

Почти единственным привилегированным собственником земель здесь долгое время оставался пермский епископ, владевший на полном иммунитете по Вычегде деревнями и пустошами, дворами и пожнями, реками и озерами, участками и угодьями. Даже в конце XV в. после присоединения пермских земель к Российскому государству и пересмотра иммунитетных грамот он оставался «на тех землях владычных» полноправным государем и ведал «в правде и в вине сам свои люди во всем, опроче душегубства». Его иммунитет оберегался «казнью» великого князя. «Так было, — утверждает Иван III в жалованной и несудной грамоте 1482 г., — при отце моем

---

[57] Смирнов И. Н. Пермяки. Казань, 1891, с. 143—146.

Василье Васильевиче, при дяде моем князе великом Василье Дмитриевиче и при князе великом Дмитрие»[58].

Привилегированными землевладельцами были и вымские князья — Ермолай, Василий, Федор и Петр, которым принадлежали деревни с лесами, пожнями и угодьями по Выми, Вычегде и Сысоле, а также воеводы великопермских городков Бурмат, Мичкин, Зырян и Кача, которых князь Федор Пестрый в 1472 г. привел «к правде» за великого князя[59]. В целом источники XV—XVI вв. указывают на зависимость привилегированных землевладельцев Перми от политической власти. Вычегодский край и Закамье развивались как область государственного феодализма. Основную массу земель составляли черные земли волостных людей — пермичей, вычегжан, вымичей, удорян, сысолян, крещеных сирян (зырян), — владевших землями и угодьями на отчинном праве[60].

Источники XV—XVI вв. в составе «волостных людей пермичей» выделяют лучших, средних и молодших[61]. Как и везде «лучшие люди», составлявшие незначительное меньшинство, держали под контролем всю хозяйственную и общественную жизнь земель и волостей. Они притесняли обедневших «молодых» общинников, которые не могли подавать даже жалоб на своих притеснителей, так как находились у них «в кабалах и в работах»[62].

4. РАЙОНЫ ЗАМЕДЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Народы «океянского языка» и «языка глубоких варваров»[1]

В процессе взаимодействия общественных структур происходили заимствования в самых разнообразных областях жизни. Общественное значение таких заимствований не было одинаковым. Народы, находившиеся на более низком уровне общественного развития, больше заимствовали у русского народа, чем он у них. Эти заимствования в конкретных условиях определялись как уровнем хозяйственного и культурного развития этих народов, так и другими факторами — естест-

---

58 АСЭИ, т. 3, № 291, с. 307.
59 ПСРЛ, т. 25, с. 296—297; т. 8, с. 173.
60 АСЭИ, т. 3, № 291а, с. 307—311; № 291б, с. 311—315.
61 АСЭИ, т. I, № 94 и 261.
62 Тихомиров М. Н. Ук. соч., с. 254—264.
1 Курбский А. М. Ук. соч., с. 114.

венными условиями, расовыми отношениями, действующими извне влияниями и др.[2].

Росту взаимосвязей в значительной мере способствовали хозяйственные и природные особенности северных и южных областей региона, что подтверждают иностранцы, посещавшие Россию в XVI в. по торговым или дипломатическим делам. Английский мореплаватель Р. Ченслер, положивший начало торговым отношениям между Англией и Россией, по пути в Москву из Архангельска в 1553 г. ежедневно встречал от семисот до восьмисот саней, едущих в Москву из земель крайнего Севера. «Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей, — пишет он, — живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу — так он жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных; в тех местностях количество хлеба невелико»[3]. Однако разраставшиеся хозяйственные связи далеко не всегда приводили к ассимиляции народов «языка глубоких варваров», хотя «большая часть из них» в XVI в. «говорила по-русски достаточно хорошо, чтобы можно было их понять»[4]. Сближению уровней социально-экономического развития во многом способствовало развитое земледелие, облегчавшее включение иноязычных народов в социально-политическую систему России. Охотничье-промысловые формы быта в значительной мере консервировали этническую индивидуальность и обособленность.

Влияние социально-экономической системы Великороссии в XIII—XV веках слабо затрагивало быт полуоседлых «лоплян» побережий Студеного моря, сродных семей самоедов Большеземельской и Малоземельской тундры, приобских хантов и мансов (остяков и вогулов), в хозяйстве которых охота и рыболовство играли решающую роль. К концу XV в. народы «языка глубоких варваров» находились в зависимости от великого государя, но она ограничивалась нередко только выплатой дани. Характеризуя отношения саамов Мурманского побережья к московскому государю, С. Герберштейн отмечал, что «в качестве подати они платят меха и рыбу, так как другого не имеют. Заплатив же годовую подать, они хвалятся, что никому ничего не должны и что они независимы»[5].

---

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 354; т. 44, ч. I, с. 462—463.

[3] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938, с. 56.

[4] Там же: с. 113, 115; Курбский А. М. Ук. соч., с. 114.

[5] Герберштейн С. Ук. соч., с. 189.

Саамы внутренних областей России, жившие в Северном Приладожье по рекам Назье, Шельдихе, Лаве, в XIV—XV вв. прочно втягиваются в хозяйственную систему России. Вместе с русскими и карелами они работали на промыслах, а их земли были «смежны» с землями и угодьями русских крестьян[6]. Но ассимиляция лопи даже в зоне непосредственных контактов продвигалась медленно. В составе Водской пятины особая Лопская волость продолжала сохраняться до XVII в. и управляться по особой жалованной грамоте, закреплявшей за всеми 8 погостами право на самоуправление[7].

Аналогичная картина выявляется и среди саамов Терского, Кандалакшского и Мурманского берегов Кольского полуострова, известного в Европейской картографии XVI в. под именем Биармии[8]. Ее подробное описание и картографическое изображение дал в своей «Истории северных народов» известный шведский историк, географ и политический деятель Олаус Магнус (1490—1557). Он разделял Биармию на две части: ближнюю и дальнюю. Ближняя Биармия, по его известиям, покрыта горами и вечными снегами, которые не тают даже летом из-за недостатка тепла. Она совершенно не приспособлена к земледелию, мало населена и препятствует проникновению в дальнюю Биармию, которую населяют племена, занимающиеся охотой и рыболовством. Население обеих Биармий поклоняется идолам и верит в черную магию[9].

Сообщения Олауса Магнуса дополняются русскими источниками. Хотя Терский берег и Терский наволок уже в начале XIII в. прочно входили в данническую и колонизационную систему Великого Новгорода[10], «сродные семьи» лопарей почти не вступали в брачные связи с окрестным русским или каким-либо другим населением. «Дикая лопь» Кандалакшского берега только в 1526 г. била челом государю, прося у него священников «церкви свящати и просветити их святым крещением».

---

[6] НПК, т. 2, с. 261—267; СГКЭ, т. II, с. 527—529; Аграрная история Северо-Запада России, с. 311, 314, 315.

[7] Богословский М. М. Ук. соч., т. I, с. 12—13.

[8] В русских источниках Кольский полуостров известен под названием «Терский наволок»; См.: Шаскольский И. П. О первоначальном названии Кольского полуострова. — Изв. ВГО, 1952, т. 84, вып. 2, с. 201—204.

[9] Савельева Э. А. Олаус Магнус и его «История», с. 45—47.

[10] Новгородская Первая летопись старшего извода по 1216 г. уже говорит утвердительно о существовании «Терского денника» и терского податного района, доходившего до северных границ Норвегии (НПЛ, с. 57, 257).

Посланные новгородским архиепископом Макарием священники «свящали церкви и многих лоплян крестиша». Несколько позднее (1532) по аналогичной просьбе были крещены «лопляне с Мурманского моря, с Колы реки и с Туломы»[11].

Прибывшие в «дальнюю лопь» христианские миссионеры Илья, а затем Феодорит и Трифон вели проповедь христианства на лопарском языке, так что многие лопари «монашеское житие возлюбиша», Трифон Печенгский основывает в дальней Лапландии у самого Ледовитого моря на р. Печенге монастырь и получает в 1556 г. от царя Ивана IV жалованную грамоту на владение морскими губами Матоцкой, Урской, Пазрецкой, Нявдемской и др. «со всякими рыбными ловлями и морским выметом..., и морским берегом и его островами, и реками, и малыми ручейками, верховьями, и тонями, и горными местами, и пожнями, и лесами, и лесистыми озерами, и звериными ловлями, и лопарями, которые. . . .в той Матоцкой и Печенгской губах ныне суть и впредь будут»[12].

К концу XVI в. здесь вырастает еще несколько монастырей. У них было столько угодий, что они своими силами справлялись только с наиболее «уловными», отдавая другие лопарям. Монастырские вотчины перемешивались «пополам и четвертям» с угодьями лопарей «в реках и в ручейках»[13]. В стороне от этих контактных районов, в тундре, оставалось немало «некрещеной» и «дикой лопи», которые «податей никаких не платят и пашни не пашут . . . , и никаких поборов с них не берут». Но и в этих дальних местах постепенно усиливалось влияние общественного строя России, утверждалась частная собственность на угодья и уловные места и складывались условия для ускорения феодального развития[14].

Так же медленно изживались формы первобытности среди народов Северного и Северо-Западного Приуралья, продолжительное время сосуществовавшие бок о бок с отношениями развивающегося феодального строя. В XI—XIII вв. эти народы были известны под именем «югры». Позднее они переместились за Печору, смешались с другими племенами и приобрели новые названия. Охотники горно-таежного Зауралья, которые «на лесу по тундрам зверя били» и ловили оленей, были известны летописцам XV—XVI вв. под именем вогулов (ман-

---

[11] ПСРЛ, т. 5, с. 282; т. 13, с. 63.
[12] АИ, т. 4, № 254; История российской иерархии, т. 4, с. 582—583.
[13] СГКЭ, т. 2. Л., 1929, с. 527—529; АИ, т. 4, № 254.
[14] СГКЭ, т. 2, № 165, с. 547.

си)[15]. Охотников и рыболовов Нижнеобского Приуралья те же летописцы называют остяками (хантами) и отличают от югричей (югры), живших по правым притокам Нижней Оби — Сысве и Сосве[16].

Начало торговых и политических связей Руси с этими народами летописцы относят к самым отдаленным временам. Путь к Большому Камню[17] и в Сибирь был рано известен на Руси в его печорском варианте, по которому новгородские воеводы и данники ходили в Югру (1445) и «за Камень» (1364), «воевавшие по Обе реки до моря», и камском—(«мимо Чердыни водным путем Вишерою вверх, да через Камень в Лозьву реку, да Тавдою рекою вниз до Тоболе реки»), по которому устюжане ходили «к Тюмени торгом»[18].

Новгородская первая летопись уже в XII в. говорит о наличии в югорской земле князьков и городков, где копили серебро, соболей и «иная узоречья», а также аппарата для сбора даней. Один из таких городков в 1194 г. осадила Новгородская рать. Сколько могло быть жителей в таком городке, можно предположить по тому, что югра не решилась сразу напасть на новгородцев, а заманивала их в город небольшими частями и уничтожала[19]. В подобных городках, судя по более поздним описаниям, проживало 300—400 человек[20]. Столько примерно отправляли новгородцы за данью в свои дальние земли.

В XV—XVI вв. обско-угорские народы Северного и Северо-Западного Приуралья объединялись в княжества. В 1445 г. «югрици, скопившеся и ударившеся» на острог Новгородского воеводы Василия Шенкурского, пришедшего «в трех тысячах на Югру» за данью, полностью разгромили его, «много добрых людей, детей боярских и удалых людей, избиша»[21]. Наиболее значительным княжеством у манси было Пелымское, в которое входили княжества Пелымское, Кондинское (или

---

[15] Остроумов И. И. Ханты-манси. Пермь, 1904; Павловский В. Вогулы, Казань, 1907.

[16] Книга Большому чертежу. М. — Л., 1950, с. 146, 168, 170.

[17] Термин «Урал» и «Уральские горы» в источниках XIV—XVI вв. не встречается. Ему соответствуют названия: Югорский камень, Большой камень, Гора-камень, Столп, Земной пояс и др. См.: Герберштейн С. Ук. соч., с. 128, 129, 130.

[18] НПЛ, т. 23, с. 195; Книга Большому чертежу, с. 186, 187.

[19] НПЛ, с. 40, 41, 99, 232, 234, 342.

[20] Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1750, с. 162.

[21] НПЛ, с. 425.

Кодское) на р. Конде, притоке Оби, и Табарское на р. Тавде. У хантов известны княжества Казымское и Обдорское[22].

Источники XV—XVI вв. говорят о существовании в этих княжествах привилегированных родов, в собственности которых была высшая власть, «храбрых и сильных мурз и уланов», обязанных нести военную службу, средних или черных ясачных людей и обедневших охотников и рыбаков, «кому ясаков платити немощно». Худые и бедные люди жили захребетниками в семьях и юртах лучших людей, князьков и их слуг, кормились у них «с работы с нужи и с голоду и с наготы», и вместе с рабами составляли общественную прослойку с неполным правовым статусом[23].

У южных хантов и манси общественная дифференциация носила более выраженные формы. Им известна практика обращения в податную зависимость соседних ненцев. Покоренная «самоядь» должна была отдавать князькам продукты охоты. Перед нами одна из примитивных форм порабощения, когда социальное расслоение в среде завоевателей и завоеванных еще невелико. В таких условиях основную выгоду от эксплуатации обычно получает общинно-родовая верхушка. Этот принцип эксплуатации известен почти во всех древних обществах. У южных вогулов и остяков было распространено и внутреннее рабство. Делая набеги на соседние народы, они нередко захватывали «в полон жен и детей и делили тот полон по себе». Внутри общин бытовала практика продажи обедневшими хозяевами своих жен и детей «на корм»[24].

В Пелымских княжествах западных вогулов и в Кодском княжестве приобских остяков княжеский род «по достоинству» значительно выделялся из общей массы лучших людей. В том и другом объединении княжеское достоинство переходило по наследству. Летописи уже под 1457 г. говорят о вогульском (Пелымском) князе Асыке и его соправителе — сыне Юмшане[25]. Когда в конце XVI в. их преемники князь Аблегерия и его старший сын Тагай были «изведены», вогулы били челом, чтобы к ним был отпущен младший сын Аблегерии Таустей и внук Угот, которых они считали законными наследниками.

---

[22] Бахрушин С. В. Научные труды, т. 3, ч. 2. М., 1955, с. 103—117.
[23] СГГД, т. 2. М., 1818, с. 51.
[24] Бахрушин С. В. Ук. соч., с. 102—104.
[25] ПСРЛ, т. 26, с. 276, 277, 273.

Среди кодских князей источники выделяют род большого князя югорского Молдана, принесшего немало беспокойства пермскому владыке и вымским князьям. В XVII в. род кодских князей распадался уже на три линии, среди которых «по достоинству» особенно выделялось потомство Инчичея Алачева в лице князя Михаила и его сына Дмитрия[26].

Наличие в остяцко-вогульских княжествах не занятой производительным трудом, но владеющей средствами производства, прослойки «лучших людей» и прослойки обедневших охотников и рыбаков, ходивших «в ярыжках» и «в подводах» у князьков и «лучших людей» наравне с рабами и холопами, наличие иерархически соподчиненных, замкнутых слоев с градацией чести по достоинству, передача по наследству привилегий и контролирующих общественную жизнь институтов (князь, старейшина, сотник) свидетельствует о том, что перед нами общество со сложившимися социально-неравноправными слоями, отличное от военно-демократических государств последнего этапа первобытности. Такие общества с наличием бытового неполноправия и элементами социального неравенства сравнительно хорошо изучены в существующей литературе и в целом определяются как раннеклассовые, раннегосударственные образования.

Океанское побережье «Дышущего моря» было заселено «бесчисленными племенами, называющимися одним общим именем самояди», кочевавшими на огромных пространствах тундры и лесотундры от Мезени до берегов Лены. Продвигаясь «по лесам и тундрам», они ловили песцов, лисиц, волков и диких оленей, куниц, росомах, горностаев, белку и выдру, обменивая их на хлеб и продукты ремесла.

Эти земли лежали в стороне от основных колонизационных и торговых дорог средневековой России, и населявшие их народы долгое время оставались «незнаемыми» людьми. Автор «Сказания о человецех незнаемых в восточной стране», составленного в конце XV в., при описании их быта не свободен от гиперболических преувеличений. Одну группу самояди, названную им каменской, он помещает по высоким горам у Югорской земли. Они занимались оленеводством и охотой, «а платье носят соболье и оленье, а едят мясо оленье да собачину и бобровину сыру едят». «За Югорской землей над морем» автор «Сказания» помещает малгонзейскую (манга-

[26] ПСРЛ, т. 26, с. 276; Сибирские летописи, с. 336, 339, 346.

зейскую) самоядь, которая занималась охотой и рыбной ловлей[27].

По соседству с ней он располагает «землю Банд», жители которой свои жилища строят «в земле», «а едят мясо соболие, а иного у них никоторого зверя нет, опроче соболи. А носят платье все соболие . . . А соболи у них черны вельми и велики». В летние месяцы некоторые из них откочевывали к «Дышащему морю», ловили рыбу и охотились на морского зверя. Другие группы самояди автор описывает не столь достоверно, с большей долей вымысла, перешедшего в многочисленные сочинения иностранцев о народах России XVI—XVII вв.[28].

Более подробные сведения о западной группе самодийцев появляются с освоением этого края русским населением и его включением в социально-политическую систему России. С просачиванием в Северное Приуралье русских промысловых и торговых людей часть самоедов втягивается в контакты с ними. Однако трудности освоения естественных богатств края, лежавшего в стороне от больших торговых и колонизационных дорог, суровые условия быта не способствовали прочному оседанию в этих местах русского населения.

В XVII—XVIII вв. самоеды (ненцы) отставали в общественном развитии от своих западных и южных соседей, долгое время сохраняя традиции родового строя[29]. Они все еще разделялись на роды, каждый из которых жил отдельным чумом и представлял собой самостоятельную единицу, возглавляемую князьком. В эти роды входили и инородные элементы — шурья, зятья, воспитанники, «вскормленники» и даже захваченные во время войн рабы. Глава рода — «князец» пользовался правом жизни и смерти каждого своего «родовика». Посетивший в XVI в. северную Россию Ричард Джонсон застал у них четко выраженную родовую организацию культа. «Каждый род, — пишет он, — приносит жертву в своей собственной палатке; старейший по возрасту бывает у них жрецом»[30]. Эти старейшины выступали и в роли судей, которые

---

[27] Древнее сказание «О человецех незнаемых в восточной стране». — В кн.: Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. М., 1890, с. 6, 11.

[28] Там же, с. 7, 8, 9; 48, 49.

[29] Хомич Л. В. Ненцы. М., Л., 1966.

[30] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1938, с. 114. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 166—172.

самостоятельно решали спорные дела или отдавали их (при несогласии сторон) на разбор «князцов».

Достоинство старейшин и родоначальников закреплялось в родах и семьях и переходило от отца к сыну, что говорит не столько о господстве родового строя, сколько о его упадке. В конце XV—XVI вв. на севере Печорского края вырос ряд слобод, население которых состояло из «русаков», «крещеных пермяков», «пенежан» и др. Свои «хлебные пашенки» они «в-ыной год пашут, а в-ыной и не пашут, потому что моро-зом убивает». Их «звериные ловища и рыбные тони» перемежались с угодьями «окологородной самояди», с которой государевы «данщики» собирали «царя и великого князя дани по соболю по лутчему по государеву по крестному целованию по тому же, как было преж сего по прежним грамотам»[31].

Среднее Поволжье и Прикамье

Хозяйственный быт и общественный строй финноязычных народов Среднего Поволжья и Прикамья в XIV—XV вв. социально-экономическим влиянием России затрагивался слабо. Эти народы в первые века русской истории находились под влиянием Волжской Болгарии, собиравшей дань («хfamiradж») с северо-восточной веси и мордвы еще в конце XII в.[1]. Рост могущества владимиро-суздальских князей привел к усилению русского влияния среди финноязычных народов «восточной стороны» и после ряда войн (1164—1185, 1213) сами болгарские ханы попали в зависимое положение от великих князей владимирских[2]. Попытка булгарских ханов разорвать эту зависимость во время внутренней феодальной смуты, последовавшей после смерти Всеволода Большое Гнездо (1154—1212), окончилась безрезультатно. Сокрушительное поражение под Ошелем в 1220 г. и угроза нового похода «на безбожныя Болгары» заставила булгарских князей просить Юрия Всеволодовича о мире и послать «к нему на Городец третьи послы и с челобитьем». Стороны подтвердили мирный договор, существовавший еще со времен Мономаха («управишася по прежнему миру, яко же было при отци его Всеволоде и при деде его Георгии Володимеричи»), когда народы По-

[31] Платежница 1574 г., с. 479, 480.

[1] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971, с. 31.

[2] ПСРЛ, т. I, в. 2, с. 352, 364, 383, 389, 400; ЛПС, с. 75.

волжья — черемисы, мордва, буртасы и вяда — «бортничали» на суздальских князей[3]. После подписания договора «по прежнему миру» великий князь послал с булгарскими послами «мужи свои водити в роту князей их и земли их по их закону»[4]. Эта мера обычно практиковалась только по отношению к правителям зависимых земель. В этом плане московские летописцы XV—XVI вв. имели основания считать булгарские княжества и пришедшее им на смену Казанское ханство «отчиной» московских князей[5].

Монголо-татарское нашествие и иго Ордынской державы сократили возможности прогрессивного влияния Руси на народы Среднего Поволжья, а вызванное ордынским нашествием вынужденное перемещение булгар в Прикамье и на Горную сторону Среднего Поволжья привело к заметному нарушению сложившейся этнополитической структуры края. Внешнеполитические факторы заметно ослабили и колонизационный поток из Волго-Окского междуречья в этот край. Лишь в конце XIII и в XIV веке мы замечаем дальнейшее движение верхневолжского населения в Вятский и Унежский край, заселенный удмуртами и черемисами, а также в мордовские земли Заоцко-Сурского края.

В бассейне Вятки русское население появилось уже в XII в.[6]. Источники XV—XVI вв. в его составе отмечают устюжан, важан, двинян, вычегжан, ярославцев и переяславцев[7]. Оно шло сюда по Вычегде и Каме, оставляя следы своего пребывания в виде курганных захоронений и остатков керамики. Осваивая эту область с севера, со стороны Устюга и Галича, русское население застало здесь редкие очаги поселений удмуртов (на р. Чепце) и черемисов (на средней Вятке), с которыми мирно уживалось в последующие века, интенсивно влияя на их хозяйственное и культурное развитие[8].

---

[3] Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. Слово о погибели Русской земли. М., Л., 1965, с. 183—184.

[4] ПСРЛ, т. I, в. 2, с. 444, 445; т. 25, с. 117.

[5] Чтения ОИДР. М., 1895, кн. 3, с. 32; КИ, с. 44, 177, 128; Послания Ивана Грозного. М., Л., 1951, с. 39, 47, 48, 55. Продолжение древнерусской вивлиофики, т. 9, с. 63—64. (Далее: ПДРВ).

[6] Седов В. В. Ук. соч., с. 196.

[7] ААЭ, т. I, № 220, с. 203; № 245, с. 267—268; Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. 3. Вятка, 1905, с. 87—89; Верещагин А. С. К истории Древнего Хлынова. Вятка, 1904, с. 47—49, 70—74.

[8] Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи. М., 1951, с. 156—157; Талицкий В. В. Верхнее Прикамье X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, с. 69—71.

В XIV—XV вв. в Вятский край, в земли северного массива удмуртов, направляется довольно значительный поток булгар, шедших сюда по Вятке и Каме, чувашей, марийцев и арских удмуртов, перемещавшихся в Вятский край с луговой стороны Волги под давлением частых вторжений ордынских ратей[9]. Эти перемещения значительно усложнили этническую ситуацию края. Происходит ослабление местных исторически сложившихся землячеких групп и связей. Этническое «успокоение» на огромном пространстве от Камы до Унжи завершилось только к началу XV в. Многие марийские и удмуртские легенды рассказывают о столкновении этих народов друг с другом из-за земли и угодий. Интересно отметить, что все богатыри удмуртских и марийских преданий больше похожи на местных общинных предводителей, чем на героев общеплеменного типа[10]. Этот уровень этнического сознания отражал длительное существование среди марийских и удмуртских народов мелких землячеких групп, которые лишь в рамках Российского государства получили возможность объединиться в общности более широкого порядка[11].

В XIV—XVI вв. этнополитическая структура Вятского края была весьма пестрой. Отчетливых признаков политического единства не заметно даже среди северных вятско-чепецких удмуртов, испытывавших нараставшее хозяйственное и культурно-бытовое воздействие со стороны русского населения — устюжан, важан, двинян, ярославцев, оседавших на верхней и средней Вятке. Этносоциальная обособленность черемисов, пришедших с луговой стороны Волги, переселившихся сюда арских удмуртов со своими князьями, а также булгар, оставалась значительной и в последующие века[12].

Вятский край в политико-административном плане разбивался на систему небольших городков, слобод и волостей и к XVI в. еще не имел единого административного центра, а великокняжеские грамоты предупреждающе адресовались «на Вятку, в Хлынов, и в Слободу, и в Карино, и в Котельнич, и

---

[9] Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов. М., 1969, с. 10—12.

[10] Легенды и предания удмуртов. Ижевск, 1941.

[11] Владыкин В. Е. К вопросу об этнических группах удмуртов. — СЭ, 1970, № 3, с. 37—46; Козлова К. И. Ук. соч., с. 211—229.

[12] ПСРЛ, т. 5, с. 247; т. 6, с. 128; т. 15, с. 161, 171, 471; т. 27, с. 92, 264, 340; Смирнов А. П. Очерки, с. 215—217; Белицер В. Н. К вопросу о происхождении бесермян. — ТИЭ, т. I. М., 1947.

на посады и в станы и в волости». «Слобожане городские и сельские люди и посажане» царских грамот не слушали, в наместничьи кормы и в земские проторы всякие «не тянули, наместнику и земскому приставу на поруки не давались и от них отбивались»[13]. Еще более беспокойными были черемисы и переселившиеся в этот край «арские татарове». Они «разбойничали» в Вятском крае и после его присоединения к Российскому государству, самовольно покидали тяглые деревни, отказывались от государевых служб и всяких, земских «потугов» даже тогда, когда жили по городам и слободам среди русского населения[14].

Ко времени «остаточного взятия» (1489) вятских городков «слобожане и сельские люди, и городские, и посажане» разделялись на лучших, средних и молодых. Всю хозяйственную и политическую жизнь слобод, городков и волостей держали в своих руках лучшие люди. Среди них к половине XV в. успела выделиться узкая прослойка больших людей, стоявших по своему политическому значению близко к арским (каринским) князьям[15]. Заняв в 1489 году вятские городки и приведя к «роте» вятчан, московские воеводы «свезли на Москву» арских князей, а также «вятчан больших людей с женами, и с детьми». По приказу Ивана III арских князей отпустили в свои земли, а свезенных вятчан расселили в Дмитрове, в Боровске, в Олексине и в Кременце на положении слуг великого князя. Больших успехов по службе «вятчане большие люди» не достигли и в разрядных списках упоминаются ниже детей боярских[16].

Несколько позднее осваиваются русским населением верхнее и среднее течение Унжи и Ветлуги и их междуречье. В лесах между Унжей, Ветлугой и Вяткой жили разрозненные группы ветлужской и кокшайской черемисы или марийцев. Наиболее древней территорией расселения марийцев было марийско-чувашское Приволжье, откуда уже во второй половине I тыс. н. э. началось их просачивание к северу и северо-востоку по рекам, стекающим по обе стороны Волго-Вятского водораздела. Однако более широкое освоение Вятского бассейна и нижнего Поветлужья марийцами относится к XIII—

---

[13] Документы по истории удмуртов XV—XVII вв. Ижевск, 1958, № 1, с. 51—53; № 2, с. 53—56; № 16, с. 89; № 79, с. 350—351.

[14] Там же, № 78, с. 348, 349—350; № 79, с. 350—351.

[15] Там же, с. 51—53, 26—34, 350—351.

[16] ПСРЛ, т. 6, с. 237—239; т. 26, с. 379; т. 37, с. 50, 96—97; РК, с.29.

XIV вв. и связано с давлением «ордынских орд» на среднее Поволжье в XIV в.[17].

В конце XIII и в XIV веке Унежский край активно осваивается и русским населением, переселявшимся в этот район, судя по керамике Унежского городища, с нижней Оки и Клязьмы. По наблюдениям О. Н. Бадера, процесс отличался мирным характером и протекал в виде постепенного смешения марийцев с русскими: русские и марийские поселения в бассейне Унжи размещались по соседству[18]. Во второй половине XV в. по Унже и ее притокам уже образовались значительные сгустки крестьянских поселений, которые становятся объектами захватов Московского Симонова монастыря и Макариевого Унженского Троицкого монастыря. Но в целом Унежский край, как и соседние Галичско-Чухломские земли, развивался как район черносошного землевладения[19].

С Унжи русское население уже в XIV в. распространилось дальше на восток, на Ветлугу. Наиболее вероятным путем проникновения русских переселенцев на Ветлугу, по заключению исследователей, был узкий водораздел между Унжей и Ветлугой в их верхнем течении, о чем говорит «большое сходство керамики Шангельского городища, сделанной на быстро вращающемся гончарном круге, с русской керамикой», и записанные в окрестностях Одоевского городища местные исторические предания о приходе на Ветлугу первых русских переселенцев[20]. Во второй половине XIV в. и в XV веке русские поселения от верховьев Ветлуги распространились до самой Волги: «размножашася по всей той реке народ мног даже до великия реки Волги»[21]. Этих сел по Ветлуге было немало уже в XIV в. Ушкуйники, возвращаясь в 1374 г. после похода на булгарские города, «много сел по Ветлузе идуще пограбиша»[22].

Среди русских и марийских поселений Нижнего Поветлужья в середине XV в. появляются монастыри. В бассейне Ветлуги одними из первых были Варнавинский монастырь и

---

[17] Козлова К. И. Ук. соч., с. 46—50, 53—54.
[18] Бадер О. Н. Ук. соч., с. 46—50, 53—54.
[19] Ивина Л. И. Внутренняя колонизация восточной окраины Русского государства в XV— начале XVII в. — В кн.: Россия на путях централизации. М.,1982, с. 94—96.
[20] Бадер О. Н. Ук. соч., с. 158.
[21] Костромская старина, 1890, вып. 1.
[22] ПСРЛ, т. 8, с. 21; т. 18, с. 114; т. 25, с. 189; Тр., с. 396.

Воскресенский[23]. Позднее в этом крае складываются вотчинные владения суздальского архиепископа и князей Мстиславских, доходившие до границ Галичского и Козьмодемьянского уездов[24]. На территории этих вотчин в XVI в. было немало «пустых мест» и их владельцы активно призывали крестьян на «льготные лета» «дворы поставить и поля огородить и пашню разпахать». Нередко такие починки ставились крестьянами черных волостей, и правительство при Василии III передавало их по жалованным грамотам «со крестьяны» духовным и частным владельцам. Эти грамоты содержат указания на общие владения лесами и угодьями крестьянами черных волостей и крестьянами частных владельцев[25].

Образование в Поветлужье в XII—XV вв. значительного массива русских селений отрезало ветлужских марийцев от горных и привело к их длительному обособлению в культурно-бытовом и языковом отношениях. Разобщенные группы марийской черемисы жили в районах нижнего междуречья Ветлуги, Рутки, Орды и Б. Кундыша. Их небольшие селения располагались на значительном удалении друг от друга и на окраинах междуречья имели смешанный этнический характер[26]. Об общественном быте Кошкайской и Ветлужской черемисы и их отношениях с землями Великой Руси источники XV — первой половины XVI вв. дают самые смутные представления. Ее активное включение в государственную и колонизационную систему России началось только после «конечного взятия Казани» и сооружения на луговой и горной стороне марийско-чувашского Приволжья мощных крепостей с достаточно сильными гарнизонами — Свияжска (1551), Чебоксар (1555), Лаишева (1557), Тетюш (1558), Алатыря и Курмыша (1565), Арска и Арзамаса (1576), Козьмодемьянска (1583), Царевосанчурска, Царевококшайска, Уржума, Малмыжа и Цивильска (1584), Яранска и Ядрина (1591)[27].

Черемисы, обитавшие на Горной стороне Среднего Поволжья, отличались такой же разобщенностью землячеких группировок. Основные сгустки их поселений размещались на значительном удалении друг от друга и на окраинах перемешивались с чувашским, мордовским и татарским населени-

---

[23] Зверинский В. В. Материалы. СПб., 1890, т. I, № 101.
[24] Ивина Л. И. Ук., соч., с. 96—98.
[25] АГР. Киев, 1860, т. I, № 99, с. 314—318.
[26] Козлова К. И. Ук. соч., с. 118—123.
[27] Зимин А. А. Состав русских городов в XVI в. — ИЗ, 1955, т. 52.

ем[28]. Современники, осведомленные о такой этнической чересполосице, называют их «горными» и «луговыми людьми», выделяя в составе «черемисы» несколько «варварских языков». Автор «истории» о Грозном царе, как и составитель «Казанской истории», отделяют ветлужских, кокшайских и руткинских черемисов Луговой стороны от луговой казанской черемисы и черемисы Горной стороны, отличавшейся достаточно развитым земледелием и скотоводством[29].

Этническая пестрота «горных» и «луговых людей» оставалась устойчивой и в XVI—XVII вв. Источники XVII в. продолжают говорить о «чуваше́ и черемисе Кокшаского уезду и разных волостей и деревень», «чуваше́ и черемисе» Козьмодемьянского уезда и Сундырской волости Горной стороны[30]. На протяжении XII—XV вв. марийцы дробились и отступали мелкими группами с насиженных мест, ассимилировались другими народами. Они не смогли объединиться в устойчивую этническую целостность даже на основной, занимаемой ими территории от Суры и Ветлуги до Вятки. Для развития устойчивых межгрупповых интеграционных связей были необходимы более плотная населенность Марийского края коренным населением, развитие коммуникаций и территориального разделения труда, централизующая деятельность какого-либо аппарата общественной власти[31]. Такие факторы если и были в наличии, то действовали крайне слабо и медленно. Поэтому рассеянные по заволжским и вятсковетлужским лесам мелкие группы черемисы очень долго не могли сложиться в марийскую народность.

Соседи марийцев на Горной стороне, чуваши, не были так раздроблены и разобщены, как марийцы. Они занимали относительно компактную территорию по южной окраине приволжских лесов от Свияги до Суры. Поэтому их язык и культура были более монолитными. Влияние ордынских, а позднее Казанских ханов не было здесь устойчивым. И в то же время достаточно стабильными были политические и экономические связи с Русью. На Горной стороне при Дмитрии Донском жило немало «поборников земли русской», «добра

---

[29] Козлова К. И. Очерки, с. 118—119, 112—113.

[29] Казанская история, с. 86, 48; Курбский А. М. Ук. соч., с. 17, 18, 38.

[30] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. 2, Саранск, 1951, с. 191; Крестьянская война под предводительством Степана Разина, т. 1, ч. I. М., 1957, с. 375.

[31] Козлова К. И. Очерки, с. 113, 112.

хотящих христианом», которые использовались русскими князьями в качестве пограничной «сторожи» («бяху на то устроени суще»), дававшей вести о предстоящих набегах на Русь ордынских ратей[32].

Археологические и письменные источники говорят о давнем существовании на Горной стороне славянских и славянизированных селений, жители которых находились в близких культурно-бытовых контактах с населением коренной Великороссии. На небольшом участке течения Усы (жигулевского притока Волги) археологами обнаружено три поселка со смешанным русско-болгарско-татарским населением, возникших во второй половине XIII в.[33]. Возможно, это были поселения тех пленников, которых уводили в Орду «лютые послы» хана Узбека, приходившие «изгоном» к Костроме, Ростову, Ярославлю, Твери, Смоленску и Брянску. От воли Узбека зависело, куда девать этих пленных. Многих из них он расселил во внутренних районах Орды, зачислял в свои отряды или отправлял в Ханбалык[34].

О расширении влияния Руси в восточном направлении говорят различные источники. Нижегородский князь Константин Васильевич (1309—1355) организует заселение Кудьмы, правого притока Волги; «повеле русским людям селиться по рекам Оке, Волге, Кудьме и по мордовским жилищам, где кто похощет»[35]. При его сыне Борисе Константиновиче русские села доходили до Нижней Суры и Волги. Ордынский князь Булат-Темир в 1367 г. пограбил этот район, но это не остановило движения русского населения на восток, которое стало более энергичным с постройкой в 1372 г. в низовьях Суры крепости Курмыш[36].

В последней трети XIV в. в колонизационную и феодальную сферу Руси включаются земли Присурского края, населенные чувашами и мордвой. Почти одновременно с селами и слободами нижегородских князей в Присурском крае появляются села крупных землевладельцев и монастырей. Богатый нижегородский гость и боярин великого князя Тарасий Пет-

---

[32] ПСРЛ, т. 18, с. 127; т. 8, с. 43; т. 24, с. 150; т. 25, с. 207.

[33] Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М, 1978, с. 102—116; Алихова Д. Е. Русский поселок XIII—XIV вв. у с. Березорки. МИА, № 80, с. 200—206.

[34] Палладий (Кафаров П. И.) Русское поселение в Китае в первой половине XIV в. — Духовная беседа, 1863, № 27.

[35] Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886, с. 2—3, 15—16.

[36] ПСРЛ, т. 18, с. 112; т. 8, с. 19; т. 25, с. 187; т. 30, с. 119.

ров в начале 70-х годов купил у местного мордовского князя Муранчика шесть сел на правом берегу Сундовика[37]. Активную роль в феодальном освоении края играли и монастыри — Спасо-Благовещенский, владевший в начале XIV в. селами, рыбными заводями, бобровыми гонами на реках Суре, Курмышке и Волге, и Амвросиев-Никольский, владевший селами и угодьями по рекам Горной стороны Волги[38].

Московский князь Василий Дмитриевич, присоединив в 1392 г. Нижегородское княжество, в духовной грамоте завещал своему сыну Ивану Новгород Нижний, а княгине «из Новгорода половина пошлин новгородских, да Курмыш со всеми селы, из бортью, и с путми, и с пошлинами, и со всем, што к нему потягло, и с Алгашем»[39]. Восточная граница Нижегородского княжества своими слободами охватила Запьянье и Засурье[40], а река Сура в своем нижнем течении стала устойчивой границей с чувашами[41].

В чувашских и марийских селах Горной стороны, лежавших к востоку от Суры до Свияги, татарские князья и мурзы в качестве постоянных землевладельцев не упоминаются. Это население платило «прямые ясаки» в ханскую казну, которые собирались местными десятными и сотными князьками[42]. Это были или обычные старшины небольших поземельных союзов или военные предводители более крупных объединений. Их власть среди соплеменников опиралась не только на ханское повеление, но и на патриархальные традиции «старейшинства»[43]. Накануне «казанского взятия» чувашские старшины и сотные князьки были достаточно организованы. Они самостоятельно обратились к российскому государю с просьбой, чтобы он не воевал их и «гнев им свой отдал», просили учесть, что в смутные годы «страхом от государя отступили, что их воевали «казанцы» и клялись навсегда «у Свияжского города быти». «И государь их пожаловал . . , и воевати их не велел и взял их к своему Свияжьскому городу; и дал им грамоту жалованную с золотой печатью, а ясаки им отдал на три года». Позднее государь велел «всяку управу горным людям

---

[37] Нижегородский летописец, с. 15—16.
[38] АСЭИ, т. III, № 294—306, с. 320—335.
[39] ДДГ, № 20, с. 56.
[40] ПСРЛ, т. XV, в. 1, с. 119; т. 18, с. 119; т. 24, с. 134; т. 30, с. 123.
[41] Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII вв., с. 91—95.
[42] Казанская история, с. 88; ПСРЛ, т. 13. СПб., 1906, с. 466.
[43] Козлова К. И. Ук. соч., с. 87.

чинить в Свияжском городе, а луговым и арским людям велел управу в Казани чинити»[44].

Источники отличают этих князьков как от казанской аристократии, так и от простого ясачного населения. Они обычно жили в усадьбах при крестьянских общинах и содержали небольшие хозяйства, которые обслуживались зависимыми людьми, отличавшимися в правовом отношении от свободных ясачных людей. В их обогащении значительную долю составляла часть ясака, собиравшегося ими с ясачного населения в пользу хана.

Кроме ясака и податей ясачные люди обязаны были участвовать в военных ополчениях и работах по строительству острогов и «крепостей»[45]. Своими землями, лесами и угодьями чувашские крестьяне Свияжского, Цивильского, Чебоксарского и Кокшайского уездов по источникам XVII—XVIII вв. владели исстари сообща и были «крепки де им те леса со всякими угодьи по старинным крепостям, как они жили за казанскими татары. . . Из того де лесу кто где у своей деревни розчистит, тот живет и пашет и сено косит». У некоторых чувашей сохранились «земляные письма» со ссылками на жалования земельными угодьями казанским ханом Мухаммедом Эмином (1487—1518)[46].

На таких же основаниях своими землями и угодьями «исстари владели прадеды и деды» горных марийцев, у которых «на той де земле строены дворы и мольбища и кладьбища из веку; а та де земля и лес со всеми угодьи старинная их, вотчинная»[47].

Писцовые книги Свияжского уезда, составленные после включения Горной стороны в состав Российского государства (1565—1567), показывают, что частные земельные владения казанских ханов и высших сановников — «держателей казанских» — концентрировались преимущественно в нижнем междуречье Свияги и Волги, («по Свиягу реку вниз и по Волге», где «села казанские стояху»)[48], откуда легко было сбежать

---

[44] ПСРЛ, т. 13, с. 165—167, 200, 228—229; т. 20, ч. 2, с. 481—485.

[45] ПСРЛ, т. 19, с. 27; Список с писцовой книги Свияжска и уезда (1565—1567 гг). Казань, 1909, с. 68, 69, 89, 94; Дмитриев В. Д. Ук. соч., с. 131, 132.

[46] Ардашев Н. Н. Татарские земляные письма XV в. и спорное дело о ясашных землях. М., 1908.

[47] Дмитриев В. Д. К вопросу о сложных общинах в Чувашии. — Уч. зап. Чув. НИИ, 1963, в. 23, с. 202.

[48] Казанская история, с. 88.

«в Казань во осаждение» в случае внешней или внутренней опасности[49]. Здесь они владели селами и деревнями, названия которых совпадают с родовыми и личными именами «держателей казанских»[50]. Но эти владения были ближе к феодальным кормлениям, чем к родовым вотчинам. Большая часть из этих «держателей» жила в Казани. В силу этого влияние татарского языка, обычаев и мусульманской религии на Горной стороне не было значительным и захватило в какой-то мере лишь верхушку — сотных князьков.

Аналогичные формы социально-политического строя выявляются у мордвы, жившей по нижней Оке и в междуречьях Цны, Мокши и Суры, где располагались основные сгустки ее селений. Здесь мордовская народность до сих пор сохранила основные черты своего этнического комплекса. Близкое соседство, хозяйственные, культурные и политические контакты уже в XI—XII вв. определили устойчивую связь мордвы этого района с землями Великой Руси[51]. В XII—XV вв. мордовское население разделялось на две этнографические ветви—эрзю и мокшу, о которых говорят наблюдательные путешественники и русские летописцы[52].

Мокшанская мордва в XIV—XV вв. жила по нижней Суре, Пьяне и среднему течению Мокши. Она была в давних хозяйственных и политических контактах с Русью, а ее князя Пуреша, «ротника» и союзника Юрия Всеволодовича, мы видим на стороне владимирского князя в войнах с булгарскими ханами, которых поддерживал эрзянский князь Пургас[53]. Эрзя располагалась по Цне, Паре, Выше и верхнему течению Мокши, а ее князьки и позднее были в противоречивых отношениях с русскими князьями, участвуя вместе с татарами в набегах на русские земли[54].

В мордовские и мещерские земли славяне проникали двумя путями: с северо-запада, из ростово-суздальских земель

---

[49] ПСРЛ. т. 19, с. 27.

[50] Никонов В. А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии. — Вопросы географии, 1960, № 50, с. 172—194.

[51] Спицин А. А. Основные русские племена по данным археологии. —Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929, с. 28—30.

[52] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 98, 110; Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 158—159; Герберштейн С. Ук. соч., с. 102—103, 137.

[53] ПСРЛ, т. I, с. 448, 449, 451.

[54] ПСРЛ, т. 5, с. 209 (1319); т. 10, с. 211 (1339).

(через Переяславль, Ростов и Муром), и с юга-запада — из Рязанского княжества[55]. Однако и в том и в другом направлениях продвижение славян в земли мордвы и мещеры в XII—XIII вв. не было значительным. Ростово-Суздальская колонизация не шла дальше течения Оки, а рязанские городки и починки не доходили до устья Пары. Кадом (на р. Мокша) лежал уже в мордовских землях, где в топонимическом материале обнаруживаются следы пребывания князя Пургаса[56].

В XIV—XV вв. русская колонизация делает заметные успехи в освоении мордовско-мещерского края и сопровождается активным включением мордвы в политическую систему «всех княжений русских». Она ведется силами трех княжеств — Нижегородского, Рязанского и Московского и становится особенно активной во второй половине XIV в., когда заокская мещера стала «куплей» великого князя Московского. В бассейнах рек Цны и Мокши, долго считавшихся чисто мордовским краем, появляются славянские селища и могильники, в которых найдены славянские бусы, браслеты и энколпионы. Опорным пунктом русского влияния в этом районе мордовских земель становится Кадом. В XIV—XV вв. славянские селища появляются в непосредственной близости к Кадому, Темникову, Елатьме[57].

«Мордовские места», расположенные по р. Цне, ее притокам и по нижнему течению Мокши, летописи рассматривают в одном ряду с русскими землями и по отношению к ним не употребляют термина «поганый», который давался обычно «противным» языческим народам. Влияние Орды было здесь неустойчивым. Татарский князь Бахмет в 1298 г. захватил земли по Цне и нижней Мокше, сделав центром своего пребывания Наручадь. Но его сын Беклемиш принял христианство и был в союзе с великим князем московским, а внуки сражались против ордынской силы под знаменем Дмитрия Донского[58].

Попытка ордынского князя Тогая закрепиться в Наручади в 1361 г. потерпела неудачу. Рязанский князь Олег «с своею братьею» Владимиром Пронским и Титом Козельским разбил его у Старой Рязани под Шишевским лесом «на Вои-

---

[55] Третьяков П. Н. Ук. соч., с. 131; Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 244—249.

[56] Насонов А. Н. Ук. соч., с. 207; Монгайт А. Л. Ук. соч., с. 144.

[57] Монгайт А. Л. Ук. соч., с. 246; ДДГ, № 20, с. 56.

[58] Временник ОИДР, т. 10, с. 73; ДДГ, с. 29, 54, 85.

не»[59]. В конце XIV века татарскими, мордовскими и мещерскими местами этого края московский и рязанский князья распоряжаются как своей отчиной, а позднее они принадлежали московским князьям[60]. Этнический состав этих мест был довольно пестрым и включал помимо мордвы и русских, составлявших большинство населения края, татар, башкир, буртас и др.[61]. В конце XIV—XV вв. они объединялись в земледельческие общины и несли повинности в пользу местных князьков с выти заселенной земли[62].

В восточных районах расселения мордвы русское влияние не было столь значительным. На этой территории встречаются курганы, оставленные кочевниками, татарские тарханы и городки с татаризованным населением[63]. Сами «погании князи мордовьстии» нередко участвовали с «мордвичи» в ордынских «нахождениях» на русские земли[64], а в 1377 г. «подведоша втай рать татарскую из Мамаевы Орды на князей наших»[65]. Но вплоть до конца XIV в. не заметно успешных попыток со стороны ордынских ханов включить эрзянскую мордву в состав улусов Волжской Орды и распространить на ее территорию ордынскую военно-административную систему. Сама Золотая Орда сложилась на определенной этнической территории, где жили кипчаки, и лишь временами распространялась за ее пределы[66]. Ответный поход русских полков на «поганых князей мордовских» (1378) за предательскую политику закрепил русское влияние и в этом районе. О растущих связях его населения с русскими землями говорят Саранский и Ожгибовский клады, которые показывают сравнительную легкость проникновения московских и суздальско-нижегородских монет из области Московского княжества в Нижегородские и Мордовские земли и обратно. В археологических памятниках XV в. на территории мордвы обнаружено большое количество штампованных украшений, изготовленных в ре-

---

[59] ПСРЛ, т. 25, с. 181, 183; т. 10, с. 233; т. 11, с. 5.

[60] ДДГ, с. 144, 285, 289, 356.

[61] Черменский Н. П. Материалы по исторической географии мещеры. — Археологический ежегодник, 1962, с. 43—56.

[62] Известия ТАК, в. 23; в. 25, с. 42—43; в. 28, с. 132; Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955, с. 43—44, 64—65.

[63] Смирнов Н. И. Мордва, Казань, 1895, с. 62—69.

[64] ПСРЛ, т. 5, с. 209 (1319 г.), 236; т. 10, с. 211 (1339 г.), т. 15, в. 1, с. 118—120 (1377), т. 20, с. 198; т. 26, с. 124.

[65] ПСРЛ, т. 4, с. 71; т. 5, с. 236; т. 8, с. 25—26; т. 18, с. 118—119.

[66] Тихомиров М. Н. Русское государство в XV—XVII вв., с. 307.

месленных центрах Нижнего Новгорода, Курмыша, Мурома, Рязани и Кадома[67].

К 1480 г. почти все мордовские земли вошли в состав Российского государства. Для управления этими землями русские князья в XVI в. посылали наместников и волостелей, наделяя их судебными и административными правами. Для этих целей активно использовались и местные мордовские князья, которых Иван III вместе с их отчинами завещал своему сыну Василию III.

На луговой стороне Среднего Поволжья влияние Ордынского, а затем Казанского ханства было весьма значительным. В XIV—XV вв. эта территория стала местом расселения татар-кипчаков. По уровню развития земледельческой культуры А. М. Курбский и осведомленный составитель «Казанской истории» луговую черемису отделяли от горной, а в составе луговой черемисы выделяли арскую, набережную и дальнюю (ветлужскую, руткинскую и кокшайскую). В Казанском ханстве Курбский, кроме черемисского и татарского языка, который «владел» всеми другими, перечисляет мордовский, чувашский, удмуртский и башкирский[68].

Отношение этих «языков» к ордынским, а затем казанским ханам было различным. «Ближняя черемиса» была втянута в орбиту власти казанского хана уже во второй половине XV в. Эта зависимость осуществлялась через административно-фискальную систему «даруг», управляемых эмирами. Из пяти казанских даруг три располагались на территории луговой черемисы (марийцев), жившей к востоку от Малой Кокшаги. Даруги делились на сотни, из которых каждая охватывала целую группу селений. Во главе сотен стояли сотники из пришлых князьков или местных лучших людей. «Дорогильные сотники» были тесно связаны с военно-служилым сословием Казанского ханства и «кормились» за счет «десятинной дани», которую взимали в пользу ханской власти с подчиненного населения[69].

С «дальней черемисой» (марийцами), жившей в бассейне Ярани, Большой Кокшаги и Ветлуги, отношения складывались несколько иначе. Они не знали ни сотенной системы, ни

---

[67] Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1981, с. 13—25.

[68] Курбский А. М. Ук. соч., с. 17—18, 38; Казанская история, с. 86, 104, 174.

[69] Козлова К. И. Ук. соч., с. 75—93.

даруг, ни десятинной дани. Каких-либо данных о наделении тарханными правами мелких феодалов из марийской старшины у нас нет. Источники подчеркивают, что собственных князей и наследственных привилегированных владетелей «над ними из их черемисского рода... никогда не бывало... кроме выборных из своей братии сотников».

На луговой стороне сельское хозяйство было развитым лишь на территории Заказанья и в пределах Арской даруги, отличавшихся плодородными почвами. Но и здесь оно совмещалось с животноводством, охотой, рыболовством и прочими промыслами[70]. Удельный вес этих отраслей хозяйства в других даругах Казанского ханства был более значительным. В составе народов луговой стороны источники XIV—XVI вв. выделяют привилегированную знать, свободных общинников и зависимое население. Правящая верхушка в основном состояла из пришлых эмиров и мурз, потомков основателей «ордынских орд», причем, уровень материальной культуры пришельцев в ряде случаев был ниже, чем у местного населения. Эта верхушка насаждала среди зависимой «черемисы» татарский язык и мусульманскую религию, которые, однако, не привились ни среди чувашей горной стороны, ни среди ветлужских и кокшайских марийцев, сохранивших свой язык и дохристианские языческие верования.

5. «ГОРОДЫ И ВОЛОСТИ ОТ ПОЛЯ»

К югу от Оки располагались обширные пространства лесостепи, переходившие в «дикое поле». Этническая и государственная граница Руси в этом регионе ко времени Батыева нашествия была неустойчивой и во многом зависела от конкретного соотношения сил между русскими и половецкими княжествами. К XII—XIII вв. целый ряд социально-экономических и внешнеполитических факторов вызвал отступление русского населения из пристепных районов на север и северо-восток. Но и тогда эти районы не были безлюдными. К заселению пограничных мест русские князья уже в XI—XII вв. активно привлекали замиренных торков, берендеев, ковуев, турпеев, половцев, оседавших «в русских пределах» на положении союзников-федератов. Граница Руси с Полем пролегала неустойчивой ломаной линией от Роси к нижнему течению Ворск-

---

[70] Курбский А. М. Ук. соч., с. 26.

лы, откуда поворачивала на северо-восток, проходя по залесенным верховьям Сулы, Псла, Ворсклы, Северного Донца, Оскола, Дона, Прони и среднего течения Цны[1].

Среднее Приднепровье к началу XIII в. входило в состав южнорусских княжеств. Крайними городами здесь были Юрьев, Торческ, Корсунь, Воинь и Лтава. Лесостепные районы верховьев Сулы, Псла, Сейма и верхних притоков Десны и Оки занимали северские княжества. Лесостепные районы Окско-Донской равнины входили в состав Рязанского княжества. Цепь укрепленных поселений, выдвинутых к Полю северскими княжествами (Ромен, Попаш, Въяхн, Вырь, Мценск, Тула, Колтеск, Елец, Остер, Лобинск, Тешилов) и Рязанским (Белгород, Исада, Добрый сот, Ижеславец, Ужеск, Пронск), надолго определила границы Руси в южном направлении.

Этническая структура лесостепного региона была сложной и противоречивой. В составе его населения, издревле сидевшего «по Десне, и по Семи и по Суле», в XII—XIII веках отчетливо выявляются как славяне, так и славянизированные группы сармато-алан и алано-булгар. В населении южных районов Рязанской земли значительную долю составляли половцы, потомки алан, булгар, а в северных и восточных районах — мурома, мещера, мордва[2]. Этническая структура региона еще более усложнилась с переселением в начале XVI в. на правый берег Волги ногайцев, основавших между Медведицей и Иловлей зимние становища.

Земли лесостепного региона в Батыеву рать подверглись наиболее значительному разорению. Однако полного запустения края как и смены населения не произошло. Сгустки поселений с культурным слоем древнерусского и послемонгольского времени выявлены даже на территории Южной Руси, подвергшейся наиболее сильному опустошению. Число таких поселений в XIV в. увеличивается, появляются новые города, возобновляется строительство оборонительных сооружений по Суле, Удаю и Пслу. «Список русских городов дальних и ближних» среди «киевских городов»-укреплений перечисляет 71 город, многие из которых неизвестны в древнерусский период[3]. Активизируется жизнь и на территории Черниговщины, о чем свидетельствуют археологические и летописные источ-

---

[1] Кудряшов В. В. Половецкая степь. М., 1948, с. 123—198.
[2] Седов В. В. Восточные славяне, с. 136—138, 140—143, 158.
[3] Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979, с. 101—107.

ники, в том числе и данные «Списка русских городов дальних и ближних».

Отдельные поселения оставались и на территории самого Поля. Его обширные пространства в XIII—XV вв. не были сплошной степью. По долинам рек стояли довольно значительные массивы лесов, где в XIV—XV вв. были станицы, села и «ухожаи» донецких, оскольских, северских, рязанских и других вольных казаков. Степь в своей основной части от Волги до Дона по известиям летописцев и осведомленного венецианского дипломата А. Контарини, посетившего Россию в 1475 г., была владением «ордынских орд»[4]. Их было особенно много по берегам Волги, где ордынские кочевья и становища доходили до Белого Яра и верховьев Медведицы, на Дону, Днепре, Хопре, Орели, Самаре, Суле, Тихой Сосне и на Донце. Кочевое население в степи в XIV—XV вв. в ряде случаев занимало районы размещения старых половецких веж и становищ. Это совпадение не было случайным. Половецкая знать высшего ранга по распоряжению Менгу-хана была переправлена в Орду, а оставшиеся половцы были использованы для формирования сотен, тысяч и туменов, которые раздавались в феодальное держание монгольским царевичам и знати. Последние «смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (монголо-татар), и все они стали словно кипчаки»[5].

Летом, с усыханием степи, орды кочевников со своими стадами обычно устремлялись на север, достигая лесостепных районов Окско-Донской равнины и приречных лугов «близъ Камы под лесом»[6]. Но кочевое скотоводство не было единственным видом хозяйства даже у ногайских татар. Летом они ловили рыбу в реках «и тем улусные люди кормились». А по местам постоянных зимних становищ они сеяли просо, занимались ремеслом. Такие становища выявляются по источникам у азовской луки Дона, по течению Орели, Самары, Сулы, Донца и др.[7].

Лесостепные районы региона занимали «порубежные городы и волости от Поля»[8], «становища» и «караулы» которых

---

[4] Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 223.

[5] Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб. 1884, с. 235; т. 2. М., Л., 1949, с. 29.

[6] ПДРВ, ч. 9, с. 18—20, 27—29, 31—37, 50; ч. 8, с. 38, 190, 194; СИРИО, т. 41, с. 113, 118, 149.

[7] СИРИО, т. 41, с. 67, 88, 140, 141, 167, 356, 358, 369, 370, 377, 381.

[8] ПСРЛ, т. 4, с. 137.

спускались «по край городских поль» к верхним притокам Северского Донца и Дона (Хопру, Вороне, Воронежу, Савале, Хворостаню, Битюгу, Богучару, Осерду). Эта обширная территория к началу XVI в. вошла в состав Российского государства и по оборонным функциям разделялась между Литовскими, Заоцкими, Украинскими (или Тульскими) и Рязанскими городами.

«Города от Литовской украины» занимали основную часть Северской земли. Одни из них располагались по верхним притокам Десны (Трубчевск, Чернигов, Новгород-Северский, Моровеск), другие по Сейму (Путивль, Рыльск, Курск). В связи с замирением на русско-литовской границе города по Десне превращаются в городища или обычные административные центры. Путивль и Рыльск еще долго продолжали выполнять оборонные функции. Почти у стен Путивля начиналось Поле, на которое высылались путивльские казаки для «сторожи» даже в середине XVI в.

Заоцкие города лежали за Окою по ее верхним притокам и Луже, притоку Десны. Здесь стояли Воротынск, Козельск, Кременец, Лихвин, Медынь, Мезецк (Мещовск), Мосальск. Они были хорошо защищены густыми лесами и сетью оврагов и рек и продолжительное время служили надежным прикрытием подступов к Угре. За Окою и Жиздрою с восточной стороны по Оке и Упе располагались украинные или Тульские города (Алексин, Болхов, Дедилов, Карачев, Крапивна, Одоев, Таруса и Тула), прикрывавшие верхнее и среднее течение Оки от неожиданных набегов «крымцев». От ногайских орд земли Русского государства прикрывали Рязанские города — Зарайск, Михайлов, Пронск, Ряжск, Венев, Шацк, Епифань, Донков, располагавшиеся на обширном пространстве между реками Окой, Осетром и Проней[9].

Становища и села «украинных людей» в XVI в. все дальше уходили к югу, охватывая новые «придаточные земли» и отодвигая все дальше на юг «конец городских поль». Этнический состав «придаточных земель поля» и его «дикой», ничейной полосы был пестрым. Здесь «казаковали» азовцы, крымцы, черкасы, киевляне, путивляне, рязанцы и другие выходцы с русских и ордынских украин. Среди русских людей, уходивших в «вольные казаки», источники называют беглых холо-

---

[9] Платонов С. Ф. Из истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI в. — ЖМНП, 1898, март; Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974, с. 35—53.

пов, крестьян, посадских людей, разорившихся детей боярских и беспоместных дворян. Они основывали свои «становища» все дальше от «концов городских поль», смешиваясь «на поле» с беглыми людьми «ордынских орд». Группируясь вокруг предприимчивых атаманов и есаулов,«вольные казаки» «промышляли на поле», совмещая войну со «службой» различным правителям и торговлей «на обе стороны»[10].

Государственная граница земель России со стороны «поля» долгое время была неопределенной, и лишь после Куликовской битвы можно говорить о более точном обозначении «концов городских поль». С усилением объединительного процесса и ростом крепостничества приток русского населения на «поле» становился все более значительным. Они считали себя «государевыми людьми» и охотно соглашались служить ему «польскую службу с травы да воды и кровь свою проливать». Разрозненные казачьи общины и «становища» русское правительство уже с конца XV в. объединяет в особые казачьи полки «для оберегания порубежных мест от приходу турских и татарских, и ногайских людей». Они основывали свои станицы на больших речных островах или хорошо укрепленных крутых берегах рек. Пашню заводили в редких случаях и добывали пропитание от рыбной ловли и охоты на степную дичь. Даже в пределах «русских украин», хорошо укрепленных засеками и крепостями, трудно было защитить посевы от уничтожения кочевниками.

Предпринимались усилия и к укреплению поокской линии обороны или «берега». Уже при Иване III на «берег» регулярно стали высылаться полки, а к югу от Оки — сторожевые отряды. Места расположения отрядов укреплялись крепостями, между которыми проводились валы, а в лесистых местностях делались засеки. Так постепенно была сделана новая Тульская линия обороны или Большая засечная черта, в состав которой вошли как реконструированные, так и вновь созданные крепости. Ее строительство началось после набега крымского хана Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г. и завершилось через 40 лет. Без опоры на местное население завершить это грандиозное сооружение, закрывшее многочисленные «шляхи», по которым ходили «искрадывать» русские земли ногайские и крымские орды, было невозможным делом[11].

---

[10] Сухоруков В. Д. Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1903, с. 3—6, 62—86.

[11] Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 17—69.

Социально-экономическая структура этого обширного района заметно отличалась от земель великорусского центра. Привилегированное боярское и монастырское землевладение здесь не было типичным, а прослойка служилых и приборных людей стояла ближе к вооруженным земледельцам-казакам, чем к помещикам. Социальный состав населения этого района был весьма пестрым. Авраамий Палицын сообщает, что в XVI в. для того, чтобы «наполнить воинским чином» окраинные земли, правительство держалось старинного обычая: «егда кто от злодействующих осужден будет ко смерти и аще убежит в те городы Польские и Северские, то тамо избудет смерти своея». Это подтверждает указ 1582 г., предписывавший ябедников, уличенных на суде, «казнити торговою казнию да написати в казаки в украинные города Севск и Курск»[12].

Это подтверждает и Г. Котошихин. «А люди они, — писал он, — породою москвичи и иных городов, и новокрещенные татарове, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр и торговые люди и крестьяне, которые приговорены были к казни в розбойных и в татьиных и в иных делах, и покрадучи и пограбя бояр своих уходят на Дон, и до них впредь дела никакого ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед освобождаются. И дана им на Дону жить воля своя, и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают и судятся во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу. . . А ежели бы им воли своей не было, и они б на Дону служить и послушны быть не учали, и только б не они Донские казаки, не укрепилось бы и не были б в подданстве давно за московским царем Казанское и Астраханское царствы з городами и з землями во владетельстве»[13]. И в этом есть доля правды. В 1552 г. в составе «многой силы», осаждавшей Казань, было 2500 «пеших казаков», которых из Мещеры «послал государь Полем на Волгу». Несколько позднее казачьи полки с государевой ратью привели «к правде» за государя Астрахань[14].

---

[12] РИБ, т. XIII, с. 482; АИ, т. 1, № 154, с. 271.

[13] Котошихин Г. Сочинение о России в царствование Алексея Михайловича. М., 1859, с. 111.

[14] ПСРЛ, т. 13, с. 164, 255, 273, 274.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование Российского централизованного государства составляет важнейшую веху отечественной и мировой истории. По составу входившего в него населения оно складывалось как многонациональное, оставаясь в то же время русским национальным государством, ибо русский народ играл в нем ведущую роль и по численности, и по политическому, и по культурному значению. Образование Российского государства происходило на феодальной основе, и при расширении территории его господствующий класс широко использовал методы внеэкономического принуждения. Но это не умаляет значения социально-экономических предпосылок объединительного процесса, наличия разносторонних связей, развивавшихся между народами региона еще в первые века русской истории.

Иноземные вторжения XIII в. и иго Ордынской державы задержали поступательное развитие этих прогрессивных процессов. Однако во второй половине XIV в. в связи с экономическим и политическим подъемом среднерусских княжеств и накоплением социально-экономических предпосылок для образования независимого Русского государства происходит дальнейшее оживление тех разносторонних связей с иноязычными народами, которые наметились в первые века Киевской истории. Переход к государственному объединению русских земель вокруг Москвы при Дмитрии Донском и закрепление главных принципов нового политического строя, достигнутое после феодальной войны второй четверти XV в., положили начало новому этапу в отношениях «государя всея Руси» с князьями-правителями русских и подвластных иноязычных земель. Если в период существования средневековой федерации «всех княжений русских» отношение «старейшего» князя и великих «поместных» нередко ограничивалось свободным «рядом», то теперь эти отношения приобретают зависимый, государственный характер. Князьки, старейшины и ханы зависимых иноязычных земель подписывают шертные (клятвенные) грамоты с обязательством «быть послушным во всем государю, хотеть ему добра и его детям и их землям» и быть с ними «заодин» на всякого недруга, без веления государя не ссылаться с правителями соседних земель «ни словом, ни человеком, жить в том месте, где государь укажет» и т. д.

В подвластных иноязычных землях растут остроги, крепости и монастыри как опорные пункты формирующейся централизованной власти, разрастаются и уплотняются органы

управления этой власти: наместники и волостели наделялись судебными и административными правами в отношении черного тяглого населения. Местные князьки и крещеная иноязычная знать все шире вовлекаются в аппарат местного управления и сбора ясака, получая за это свою долю и государево «жалованье». Включение иноязычных земель в составе Российского государства ускорялось колонизационными процессами. Иногда колонизация осуществлялась в ходе переселения значительных групп крестьян из основных центров на иноязычные окраины. Включение нерусского населения в социально-политическую систему Великороссии и изменение его этнического облика происходили при этом сравнительно быстро (земли мери, муромы, мещеры, веси, перми).

В других случаях — при боярской или монастырской колонизации — происходил феодальный захват земель и не было массовых крестьянских переселений. В этих условиях изменение этнического состава проявлялось позднее, поскольку социльный антагонизм нередко активизировал этническое противостояние. Замедляли этот процесс и религиозные различия, чаще всего подогреваемые извне. Но и в том и в другом случаях русская колонизация сопровождалась важными прогрессивными изменениями в жизни иноязычного населения. Социально-экономический прогресс выражался во внедрении земледелия и более совершенных орудий труда в хозяйственный быт народов с непроизводящей экономикой, где к этому располагали естественно-географические условия, в складывании на иноязычной периферии ремесленно-торговых очагов, в консолидации местных этнических групп, в завершении социально-интегративных связей между отдельными родственными по языку группами иноязычного населения. Жители Новгорода Великого, писал К. Маркс, «сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Великим морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство»[1]. Сказанное в еще большей мере относится к России в целом, которая, по словам Ф. Энгельса, «действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[2].

---

[1] Архив Маркса и Энгельса. Т. 8, М., 1946, с. 157.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 241.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 1—4, СПб., 1836.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1—2. СПб., 1841—1842.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1—3. М., 1952—1964.

АРГ — Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 1—3. М., 1951—1961.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России, т. 1—3. СПб., 1857—1884.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ДАИ — Дополнения к актам историческим. Т. 1—12. СПб., 1846—1875.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.; Л., 1950.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.

КИ — Казанская история. М.; Л., 1954.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

ПРП — Памятники русского права, вып. I—IV. М., 1952—1956.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, тт. 1—37. СПб.; М., 1841—1983.

РИБ — Русская историческая библиотека. Т. 1—39. СПб.; Л., 1872—1927.

РК — Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

РАО — Русское археографическое общество.

СИРИО — Сборник императорского Русского исторического общества.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. — М., 1813—1828.

СГКЭ — Сборник грамот коллегии экономии.

Тр. — Троицкая летопись. Рек. текста М. Д. Приселкова. М.; Л., 1950.

ТАК — Труды Тамбовской Ученой архивной комиссии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юрий Андреевич КИЗИЛОВ

ЗЕМЛИ И НАРОДЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ XIII—XV вв.

Начальные этапы образования многонациональной структуры Русского централизованного государства

Учебное пособие к спецкурсу

Темплан 1984 г., поз. 61

Редактор **Г. Пушкарева**

Техн. редактор **Ю. Лаврентьева**

Корректор **Н. Чуева.**

Сдано в набор 25.06.84. Подписано в печать 24.01.85. ЗМ 02088
Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 2. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 4,5. Тираж 1000 экз. Заказ 3601.
Цена 65 коп.

Ульяновский ордена «Знак Почета» государственный педагогический институт имени И. Н. Ульянова
432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия. В. И. Ленина, 2.

Облтипография Ульяновского управления издательств, полиграфии и книжной торговли
432600, г. Ульяновск, ул. Ленина, 114.

Цена 65 коп.